

Порфирий (Успенский), еп. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн, урожденной Эйлер: [1855–1866 гг.] // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 9. С. 104–129 (3-я пагин.). (Начало.)

Письма Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) къ Свѣтлѣйшей княгинѣ Елизаветѣ Павловнѣ Витгенштейнѣ, урожденной Эйлеръ 1).

29 Сентября 1855 г.

И я думаю, что не быть мнѣ въ Римѣ. Тѣмъ лучше! Пусть челнъ мой плыветъ, куда направляетъ его Кормчій небесный. Моя воля—въ Его волѣ. Моя преданность провидѣнію Божію совершенна. Она есть живое начало и живой конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій; и въ ней я всегда почерпаю полное спокойствіе. Смотрите на меня съ этой точки зрѣнія, смотрите на меня какъ на то растеніе, цвѣтъ котораго всегда обращенъ къ солнцу, и порадауйтесь со мною тому, что не исполнится земное, хотя и невинное, желаніе мое, а совершится то, что Богу угодно. Въ Богѣ живетъ и та Благовѣрная и Высокая душа, которой благодать, подобно чистому и теплomu свѣту, осіяваетъ и согрѣваетъ многихъ. Это я знаю,

1) Свѣтлѣйшая княгиня Елизавета Павловна Витгенштейнѣ, урожденная Эйлерѣ, состояла съ 1852 г. фрейлиной при Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ вмѣстѣ съ извѣстной Эдитой Теодоровной Раденѣ, была членомъ того кружка, который пользовался благосклоннымъ вниманіемъ Великой Княгини и къ которому принадлежали Юр. Теод. Самаринѣ, И. А. Гончаровѣ, А. Г. Рубинштейнѣ и другіе выдающіеся представители науки, литературы и искусства; впослѣдствіи княгиня была въ Тифлисѣ гофмейстерной двора Вел. Княгини Ольги Теодоровны, супруги Намѣстника Кавказа Вел. Князя Михаила Николаевича, а затѣмъ фрейлиной Большого Двора, при Императрицѣ Маріи Александровнѣ, пользовалась вниманіемъ и расположеніемъ Императора Александра II-го; скончалась въ 1896 г. Письма къ княгинѣ преосв. Порфирія послѣ ея смерти перешли къ родственнику ея Константину Николаевичу Бѣлкину, который любезно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе.

Н. В—кій.

и впередъ успокоиваю себя тѣмъ, что Ея слово о мнѣ замолкнетъ въ Ея мысли о волѣ Божіей.

Всѣ мы—пылинки на вѣсахъ Вседержителя. Всѣ народы предъ Нимъ не болѣе, какъ капли изъ ведра. Но величіе Его соразмѣрно съ благостію Его. Сегодня Онъ гремитъ и перуны сѣветъ по землѣ, а завтра произращаетъ на ней цвѣты благовонныя. Теперь страшная гроза Его надъ нами, но не далека и благодать Его. Ежели голосъ съ неба я слышалъ у гроба Господня, и ежели понялъ его вѣрно; то горе наше продлится еще сто, и еще сто, и еще 59 дней, и потомъ всѣ мы воскликнемъ гласомъ радованія:

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!

или

Благословенъ Богъ, научаяй персты наша на брань!

Но до той поры должны быть употреблены всѣ усилія наши къ сокрушенію врага. Dieu le veut.

Ночью подъ 27 день текущаго мѣсяца я видѣлъ во снѣ нѣкую благолѣпную жену, сидящую за пустымъ столомъ у морского залива, и горько сѣтующую. Она была вся обнажена, и ярко освѣщена не солнцемъ, не луною, и не искусственнымъ свѣтомъ, а какъ бы заревомъ пожара. Эта жена должна быть Одесса.

Давно я не видалъ васъ. Неблагопріятная погода препятствуетъ мнѣ быть въ вашемъ теремѣ и побесѣдовать съ вами попрежнему. Подожду лучшихъ дней, и явлюсь къ вамъ, когда солнце покажется на небѣ.

Благословеніе Господне на васъ.

А. Порфирій.

С. Петербургъ. 12 января 1857 г.

Не дождавшись приѣзда Г. Н., отвѣчаю на письмо ваше отъ 16 ноября прошлаго года.

Васъ изумила величественная красота Альпійскихъ горъ. Любуясь ею, вы живо понимали всемогущество Божіе и думали, что на горахъ хорошо молиться и жить. Дѣйствительно, тамъ какъ-то чудно слышишь высокую проповѣдь о Богѣ и такъ и хочешь вѣчно пѣть славословіе Ему, а въ груди своей ощущаешь удвоенную жизнь. Съ Божіихъ горъ вы сошли, нося въ своемъ сердцѣ скрижалъ, на которой начертано: азъ есмь Господь Богъ твой. Берегите ее. *Savoir aimer son Dieu, et faire de lui son tout, est la plus noble*

de toutes les sciences, et la marque du plus grand esprit et du plus grand coeur. ¹⁾).

Вамъ полюбилилось зодчество Готическихъ храмовъ въ Нюренбергѣ и Бреннерѣ. Душѣ возвышенной и прекрасной свойственно любить высокое и изящное. Не знаю, какъ вы понимаете, или какъ другіе объясняютъ значеніе Готической тески камней на подобіе кружева, постановки множества стрѣльчатовъ на внѣшнихъ стѣнахъ, отдѣлки дверей въ видѣ многихъ соединенныхъ радугъ, кладки внутреннихъ сводовъ и стѣнъ на подобіе уборнаго терема, или сѣни изъ тканей, и обращеніе алтарей на западъ. А по моему мнѣнію, кружевные узоры на Готическихъ храмахъ напоминаютъ христіанину, что онъ долженъ быть украшеніемъ семейства, общества и церкви; стрѣльчаты, высящіяся къ небу, показываютъ ему:—куда должны быть устремлены всѣ помыслы, чувствованія, дѣйствія и цѣли его; радугообразныя двери, ведущія въ храмы, знаменуютъ, что въ эти святилища, надобно входить примирившись съ ближними, потому что тамъ совершается примиреніе Бога съ людьми, знаменіемъ коего служитъ радуга; внутренность храма на подобіе сѣни изъ тканей есть какъ бы колыбель, въ которой души питаются таинственнымъ брашномъ и убаюкиваются словомъ о Богѣ и пѣніемъ о небѣ; алтари обращены на западъ по воспоминанію объ Іерусалимскомъ храмѣ, въ который древле входили съ востока на встрѣчу Солнцу Правды, возсіявшему изъ погребальнаго вертепа, стоящаго въ западной части сего храма.

Зодчество древнихъ христіанъ — многозначительно и поучительно. Припомните церковь св. Амвросія въ Миланѣ, которая Великой Княгинѣ и вамъ показалась родною. Къ ней, вмѣсто нашей паперти, пристроенъ открытый дворъ съ колоннадою. Его называютъ Раемъ. Понятно, что онъ знаменуетъ тотъ рай, изъ котораго изгнанъ былъ первый Адамъ, и въ который возвращаетъ насъ второй Адамъ, Христосъ Господь. Какая богатая мысль, построить храмъ такъ, что онъ преддверіемъ своимъ напоминаетъ двѣ величайшія тайны бытія человѣческаго рода, тайну потери Рая и тайну обрѣтенія Рая!

¹⁾ Любить своего Бога и видѣть въ Немъ свое „все“—это самое благородное знаніе и признакъ величайшаго ума и величайшаго сердца.

Вы говорите о Миланскомъ соборѣ, что подобнаго ему, вѣдь, во всемъ мірѣ нѣтъ. Точно, нѣтъ. Это—красота очей благолѣпнѣйшая. Любуешься и не налюбишься ею. Я живо помню этотъ соборъ, и до сихъ поръ думаю, что видѣлъ гору, склоны которой усажены кипарисами, а высь испещрена цвѣтами (жаль, что вы не видѣли цвѣтника вдоль обѣихъ сторонъ крыши, выдѣланнаго изъ мрамора на тамошнихъ откосныхъ устояхъ) самое же темя увѣнчано стрѣльчатомъ, указующимъ душѣ путь вознесенія ея на небо. Этотъ громадный, лѣсистый, цвѣтистый соборъ нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ Евангельскія слова: „аще имате вѣру, яко зерно горюшно, речете горѣ сей: двигнися и двигнется“. Дѣйстви-тельно для постройки его была перенесена цѣлая мраморная гора, подаренная однимъ богатымъ христіаниномъ, владѣвшимъ ею. Вѣра Лонгобардовъ сказала этой горѣ: двинься, и она двинулась; и таже вѣра обратила ее въ великолѣпный храмъ Богу.

Ваши сужденія о картинахъ Миланскихъ я сравнивалъ съ своими замѣтками о нихъ. Оказалось, что вамъ понравились почти тѣже самыя картины, коими любовался и я. Чѣмъ же условливалось одинаковое наслажденіе наше однѣми и тѣми же произведеніями художной кисти? Одинаковою настроенностію душъ? Нѣтъ. Оно условливалось *истинною* красотой этихъ произведеній, которая одинаково пріятна всѣмъ, и взрослымъ и малымъ, и добрымъ и злымъ, и мудрымъ и простымъ. Истина въ красотѣ, или красота истины подобна привлекательной силѣ земнаго шара, притягивающей къ нему и яблоко, и жолудь, и золото, и олово. Степени продолжительнаго наслажденія изящными искусствами разны у разныхъ людей, смотря по внутреннему настроенію душъ ихъ. Вы просидѣли бы цѣлый день у картины Гверчина, представляющей удаленіе Агари изъ кущи Авраама. А я не отошелъ бы отъ картины Сальватора Розы, на которой изображенъ препод. Павелъ Фивейскій, въ часъ бури молящійся съ воздѣтыми къ небу руками у входа въ пещеру подлѣ сломленнаго и ищепаннаго дерева. Значитъ, вы справедливы, сострадательны и готовы раздѣлять съ ближнимъ злополучіе его: а я люблю пустыню, уединеніе, созерцаніе и испытавъ много обидъ, тревогъ, неправдъ, страданій, чаю помощи и утѣшенія отъ одного Бога. Ваше и мое вниманіе

было приковано къ картинѣ Гвидо Рени, на которой впечатлительно изображены, Павелъ обличающій Петра, и Петръ внимающій Павлу сурово, но съ раскаяніемъ. Значить, мы оба способны къ исправленію недостатковъ своихъ, кои открываютъ намъ другіе. По мнѣ, всѣ высокія и прекрасныя произведенія кисти и рѣзца суть какъ бы зеркала, въ коихъ всякая душа можетъ видѣть свои и чужія склонности, страсти, недостатки и совершенства. Не знаю: судилъ ли кто-нибудь такъ о воздѣйствіи изящныхъ искусствъ на душу. А я думаю, что кто хочетъ разгадать душевныя свойства другого, тотъ пусть идетъ смотрѣть съ нимъ картины и статуи, и пусть наблюдаетъ надъ нимъ:—какіе образы нравятся ему болѣе прочихъ. Его любованіе ангеломъ или діаволомъ, обнаружитъ его душу. Вамъ, дѣвицамъ, хорошо бы такъ узнавать жениховъ своихъ. Картины и статуи—вотъ ваши свахи!

Радуюсь, что великая сестра милосердія здорова. Вы хорошо сдѣлали, что извѣстили меня объ этомъ. Мнѣ сладко знать, что процвѣтаютъ тѣ, qui aiment la lumière et la vertu ¹⁾

Цвѣтите и вы на радость многимъ.

Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

Р. S. Мои сочиненія вышли въ свѣтъ. Желая прислать ихъ къ вамъ, да не знаю, какъ. Спрошу объ этомъ на почтѣ. Здѣшнее археологич. общество, подъ предсѣдательствомъ В. К. К. Н., приглашало меня быть членомъ—корреспондентомъ его и прислало мнѣ великолѣпный дипломъ, подписанный Августѣйшимъ Предсѣдателемъ. Приглашеніе его лестно для меня. Но къ сожалѣнію всѣ ученые матеріалы и сочиненія мои, коими я могъ бы подѣлиться съ обществомъ, оставлены въ Іерусалимѣ, куда едвали возвращусь я, угнетаемый Толстою силою. Странно положеніе мое! Одни подвязали мнѣ крылья, а другіе понуждаютъ меня летѣть, и замѣтивъ неподвижность мою могутъ сказать: да онъ—орелъ деревянный.

Шлю привѣтъ мой Эдитѣ Феодоровнѣ: благодать и миръ ей отъ Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа!

Из Января.

Р. S. Толстой прочитъ въ Іерусалимѣ уже не діакона

¹⁾ Которые любятъ свѣтъ и добродѣтель.

Оптиной пустыни, а Аѳинскаго архимандрита нашего, меня же хочетъ упрятать въ Аѳины. Поѣду туда, но поѣду печальный, грустный, истерзанный. Охъ! Я не думалъ, что отнять у меня *любимое* дѣло мое—воскрешеніе Арабск. православнаго народа и возвращеніе Сирійск. и Палестин. Уніатовъ въ ограду нашей церкви: чему уже положено мною начало; еще менѣе помышлялъ я о томъ, что какая нибудь Толстая сила можетъ оттолкнуть меня отъ отечества, которое я люблю разумно и страстно.

С.-Петербургъ. 1857 г. 11 Февраля.

Многими дарами надѣлилъ человекъ премудрый и всеблагій Творецъ. Къ числу ихъ принадлежитъ наше слово, выражаемое звуками или письменами. Посредствомъ слова молитвеннаго проникаетъ въ насъ благодать Св. Духа. Посредствомъ слова разговорнаго, или письменнаго, душа душѣ свѣтитъ и отсвѣчаетъ. Какой чудный и драгоценный даръ Бога—Слова!

Пользуюсь имъ и отвѣчаю на письмо ваше, отъ 12 Января, въ которомъ вы прислали цвѣточки изъ садовъ, или съ горъ Ниццы.

Надлежало бы мнѣ отдарить васъ подобными кринами. Но въ нашемъ снѣгу не растутъ фіалки и розы. Правда, есть кусты и березы на стеклахъ моей холодной горницы; но я не умѣю ни сорвать, ни переслать ихъ къ вамъ. Напоминаю о нихъ, и это напоминаніе прошу принять вмѣсто букета съ родимой, бѣлоснѣжной сторонушки, гдѣ васъ любить мать, любить братъ, помню я, и поминаетъ вся церковь, когда молится о плавающихъ, путешествующихъ.

„Вы гуляете въ садахъ и по горамъ, наслаждаетесь природою, много размышляете и сознаете, что душа ваша по милости Божіей покойна и свѣтла“. Ваше благополучіе вельми радуетъ меня, природа, это ненаглядная подруга моя, сдѣлалась и вашею подружкой. Не ревную, напротивъ радуюсь, что и вы любите эту красавицу Божію. Дружить съ нею хорошо. Безгрѣшная, она ничѣмъ не соблазняетъ, не огорчаетъ, не раздражаетъ, напротивъ успокаиваетъ, радуетъ, назидаетъ всякаго, кто умѣетъ жить и бесѣдовать съ нею. Въ просторномъ лонѣ ея сознаешь себя свободнымъ, независимымъ, первымъ, любишь не себя, а Творца ея, надѣешься не на себя, а на Вседержителя, силою Котораго она существуетъ; когда

же младенчески любишь красотами и величіемъ ея, тогда забываешься до того, что не замѣчаешь хода времени, ничего не хочешь, ни о чемъ не думаешь, и только чувствуешь свое блаженство. Такое самозабвеніе не много поясняетъ райское состояніе души, когда она, чистая, будетъ созерцать вѣчную Красоту и всѣхъ совершенствъ Полноту.

Ваше знакомство съ протестантами и съ главою ихъ Пилатомъ (вѣроятно, не Понтійскимъ, хотя онъ и измѣнилъ Папѣ) ни мало не беспокоитъ меня. Промѣняете ли вы бриллианты на стекла, жемчугъ на бисеръ, цвѣты на осóку? Повѣрите ли вы, que Dieu eût retiré la vérité et la grâce de Son Esprit Saint à toute une assemblée d' évêques pour la donner à un seul ¹⁾, напимѣръ Лютеру или Водуанскому пастору Пилату? Повѣрите ли, que la sagesse divine ne garde plus dans l' ombre de son sanctuaire les germes des facultés extraordinaires, que possédaient autrefois les prophètes, les apôtres et les saints Pères de l' 'Eglise? Les Protestants les croient perdues, et peut-être, nient même, qu' elles aient jamais existé. Pourtant elles sont là, toujours prêtes à reflleurir comme la verge d' Aaron, quand les temps et le service de l' 'Eglise réclamèrent le secours de leur présence ²⁾. Повѣрите ли вы, что богословская ученость протестантовъ можетъ замѣнить благодатные дары прозрѣнія, чудотворенія, исцѣленія болѣзней? Понадѣетесь ли вы, что какой-нибудь Пасторъ *однимъ искусственнымъ словомъ своимъ* сможетъ спасти душу разгульной актрисы, какъ нѣкогда спасъ Антиохійскую лицедѣйку—любодѣйку Маргариту св. Епископъ Ноннъ своею проповѣдью и *молитвою*? Понадѣетесь ли вы, что подлѣ каѳедры Пилата, или Вальтера внезапно выздоровѣетъ такая 17 лѣтняя разслабленная госпожа, какую я видѣлъ послѣ исцѣленія у раки св. Митрофана? Какая другая литургія замѣнитъ вамъ нашу? Удовлетворитъ ли васъ

¹⁾ Повѣрите ли вы, что Богъ отнял истину и благодать Своего Св. Духа отъ цѣлаго собора епископовъ, чтобы дать ее только одному.

²⁾ Что божественная премудрость не хранитъ уже въ сокровищницѣ своего святилища зародышей необыкновенныхъ дарованій, которыми обладали нѣкогда пророки, апостолы и святые отцы церкви? Протестанты думаютъ, что они утеряны и, можетъ быть, отрицаютъ даже, чтобы они когда-либо существовали. Однако же они существуютъ всегда готовые расцвѣсти вновь, какъ жезль Аарона, когда времена и служеніе церкви требуютъ ихъ присутствія.

одно историческое воспоминаніе объ установленіи Евхаристіи безъ сочетанія душъ съ Херувимами послѣ отложенія всякаго житейскаго попеченія, безъ приглашенія ихъ къ вольному преданію себя самихъ вмѣстѣ съ другими и со всѣми святыми Христу—Богу, безъ единодушнаго призыванія Утѣшителя, Духа истины, Сокровища благихъ и жизни Подателя? Отринете ли вы данное вамъ Спасителемъ право, хотя однажды въ годъ, прощать *несмертныя* грѣхи кающимся и исповѣдующимся ближнимъ вашимъ, прощать устами избраннаго пастыря душъ, когда не онъ собственно, а живущій въ васъ Христосъ прощаетъ ихъ? Перестанете ли вы просить милости Божіей, царства небеснаго и оставленія грѣховъ у безсмертнаго Царя тѣмъ скончавшимся въ Вѣрѣ, которыхъ вы любили и которые любили васъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы у меня колонна Православія. Вы у меня голубица Ноева: покруситесь надъ горькими водами и опять прилетите въ ковчегъ свой, цѣлая, чистая, радостная, чтобы вмѣстѣ съ нами питаться духовнымъ брашномъ нашимъ.

Сочиненій Монода я не читалъ. А о Шведенборгѣ скажу вамъ мнѣніе свое. Я не отрицаю его способности видѣть будущее, потому что самъ часто вижу оное во снѣ и вижу ясно и вѣрно; но ученіе его о загробной жизни душъ считаю грезой воображенія. *Nous sommes trop élevés audessus de nous-même et nous ne saurions nous comprendre, dit le St. Augustin* ¹⁾. Какъ же можемъ понять то, чего не видало око наше, не слышало ухо наше, и что уготовалъ Господь любящимъ его? Небожественный Павелъ восхищенъ былъ духомъ въ рай, и слышавъ тамъ неизрѣченныя глаголы, никакъ не могъ передать ихъ языкомъ человѣческимъ. Преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ—этотъ великій подвижникъ и свѣтильникъ церкви—однажды вопрошалъ ангела о нѣкоторыхъ райскихъ предметахъ, но слышалъ слѣдующіе отвѣты: *„сего и ангелы не въдаютъ, а этого не можешь понять ты“*. Итакъ Шведенборгъ ли, который самъ себя не почиталъ святымъ, могъ знать, какъ живутъ души въ обителяхъ Отца Небеснаго? Самъ Господь лишь немного приподнялъ завѣсу, скрывающую отъ насъ міръ загробный, *дабы мы не охладѣли къ*

¹⁾ Мы стоимъ слишкомъ высоко надъ самими собой и мы не поймемъ себя, говоритъ Бл. Августинъ.

земной жизни нашей. По слову Его, тамъ никто не женится и не посягаетъ, но всѣ живутъ какъ ангелы Божіи. А Духъ Святыи устами апостола Павла открылъ намъ, что наши тѣла по воскресеніи соединятся съ душами, но будутъ уже нетлѣнныя, духовныя, безболѣзныя, свѣтоносныя. Довольно съ насъ этихъ откровеній Божіихъ! Они утѣшительны и цѣлебны. *Abstenons nous donc de tout jugement téméraire sur les matières impénétrables,*¹⁾ и какъ православные будемъ довольствоваться *священною простотою* вѣры и надежды. Намъ изъ Рая принесена бѣлая Лілія: не испортимъ ли же мы этотъ цвѣтокъ, когда позовемъ шведскаго живописца и велимъ ему раскрасить его, какъ угодно прихотливому воображенію нашему?

О настоящемъ политическомъ состояніи Европы не намѣренъ бесѣдовать съ вами. Мои мысли о немъ отчасти извѣстны вамъ.

Въ нашей столицѣ радуются тому, что у насъ скоро будутъ сдѣланы желѣзныя дороги.—Въ нашемъ Синодѣ теперь два Оберъ-Прокурора Гр. Толстой и родня его Пот—на. Недавно она намекнула мнѣ, что ей желательно видѣть меня въ Крыму въ санѣ архіерейскомъ. Итакъ, я похожу на мячикъ, перебрасываемый то въ Іерусалимъ, то въ Аѳины, то въ Тавриду. Время покажетъ: гдѣ установится этотъ битый мячикъ.—Говорятъ, что въ Іерусалимъ будутъ назначены: одинъ Молдаванъ, другой—болванъ, третій—Болгаринъ, четвертый Русскій бояринъ, пятый—Дамасскій Арабъ, шестой нѣкій Божій рабъ. Чудеса, да и только!—Іорданскій голубокъ нашъ гдѣ летаетъ, о томъ никто не знаетъ. А я въ кельѣ сижу и что-нибудь пишу. Почта берется доставить вамъ печатныя творенія мои, но такъ, что не я, а вы должны платить за пересылку ихъ отъ нашей границы. Вотъ это ужъ не хорошо! Вѣдь, и книги то мои не стоятъ того, что вамъ придется уплатить за доставку ихъ. Итакъ, пусть онѣ лежатъ здѣсь до возвращенія вашего.—Вамъ кланяется Тютчева. Я бываю у ней. Христіанская душа! Благовонный цвѣтокъ въ вертоградѣ Господнемъ!—Поручаю вамъ сказать Эдиттѣ, что неистовство ея при вѣсти о нападкахъ на меня,

¹⁾ Воздержимся отъ всякаго смѣлаго сужденія о неизслѣднмыхъ предметахъ.

я призналъ *за тотъ душевный огонь*, который,—если-бы она была правительницею, какъ Деворра,—истребилъ бы безпутнаго врага Сіона—Т—о Сисару. Ея и вашимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ объясняется одна тайна души моей, именно, видѣніе васъ обоихъ во снѣ въ ночь подъ первый день новаго 1854 года, когда я жилъ еще въ св. Градѣ и не зналъ васъ. Это видѣніе тогда же записано было мною; и я про себя вспомнилъ его тотчасъ, какъ увидѣлъ васъ у Г-жи Ширманъ, а Эдитту въ Ораніенбаумѣ. По этому видѣнію обѣ вы были уже мнѣ знакомы. Душа у меня—зеркало, въ которомъ отражается многое будущее, какъ настоящее и отражается всегда въ вѣрныхъ эмблемахъ. Такая способность моя изумляетъ меня самого, и нерѣдко пугаетъ. Если бы вы прочли описаніе всѣхъ вѣщихъ и исполнившихся сновидѣній моихъ; то искренно сказали бы: „вѣрно слово св. Августина! — nous sommes trop élevés au-dessus de nous-mêmes.

Не хочется прекращать бесѣду съ вами, а пора умолкнуть.

Умолкаю, сказавъ послѣднее слово: Благословеніе Господне на васъ! Цвѣтите на радость мнѣ и многимъ, и вмѣсто меня, молча, взгляните на Великую сестру милосердія съ благоговѣніемъ, любовію и безпредѣльною преданностію.

А. П.

С. П. Б. 1857 г. Апрѣля 23 дня.

На дняхъ изъ Михайловскаго Дворца приходилъ ко мнѣ служитель и повѣдалъ, что вы, давно не получая отъ меня извѣстій, подумали, что я болѣнь, или выѣхалъ изъ Петербурга. Однако я писалъ вамъ въ 28 день Марта. Ужели вы не получили письма моего?

Жалѣю, что запоздалость отвѣта моего на ваши письма отъ 8 и 24 Февраля причинила вамъ тревогу, и прошу у васъ прощенія, не извиняя себя ни слабостью силъ, ни срочными занятіями, кои пріостановили порывъ мой писать къ вамъ въ потребное время. Истинныхъ друзей ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ огорчать и тревожить не должно. Для нихъ Богъ далъ душѣ запасъ силъ даже на случай нездоровья и то усердіе, которое умѣетъ выгадывать нѣсколько свободныхъ минутъ изъ времени поглащаемаго са-

мыми многосложными занятіями. А я, окаянный, не воспользовался этимъ запасомъ, и потерявъ эти минуты, привелъ васъ въ раздумье. Виновать! Простите меня, но, простивъ, вѣрьте тому душевному расположенію моему къ вамъ, съ которымъ несовмѣстимо такое преступленіе, каково неувѣдомленіе васъ о какихъ либо печаяностяхъ моихъ, и вѣрьте тѣмъ болѣе, что ваша дружба ко мнѣ, въ настоящіе дни опалы моей, служить единственнымъ утѣшеніемъ моимъ. Вы единственное солнышко, которое порой посылаетъ мнѣ отраднѣйшій лучъ на тернистомъ пути моемъ подъ небомъ, покрытымъ мрачными тучами.

Опала моя продолжается. Въ Іерусалимъ назначена миссія подъ начальствомъ Епископа. Но не мнѣ вручено управленіе ею, а Одесскому Епископу Поликарпу, который нѣкогда служилъ при нашемъ посольствѣ въ Аѳинахъ, я знаю его лично. *Nullité parfaite* ¹⁾.

Не жалѣю о томъ, что меня не послали въ Іерусалимъ; ибо многократными сновидѣніями я предъувѣдомленъ былъ о разлученіи моемъ съ святыми мѣстами и съ тамошними братіями о Господѣ; да и нѣкій таинственный голосъ говоритъ во мнѣ, что шадить меня Богъ, дабы не при мнѣ, ретивомъ и сострадательномъ, началось паденіе патріаршихъ престоловъ на Востокъ,—паденіе неизбежное послѣ отнятія у нихъ богатыхъ имѣній въ Молдавіи и Валахіи, жадно назираемыхъ туземцами. Но скорблю о томъ, что мнѣ не даютъ никакой высшей должности и тѣмъ безчестятъ меня въ глазахъ нашего и Восточнаго духовенства, которому очень хорошо извѣстно мое имя. „Лучше мнѣ умереть, говорю съ апостоломъ Павломъ,—нежели потерпѣть, чтобы кто упразднилъ похвалу мою“. Скорблю о томъ, что меня отталкиваютъ отъ церкви, отечества и престола, которымъ я могу служить словомъ и дѣломъ разумно, вѣрно, *con amore*. Скорблю о томъ, что я *осужденъ безъ суда* какими-то непогрѣшимыми папами и усѣченъ до корня, живой тѣнистый, плодовитый. Никакъ не могу приучиться смотрѣть на себя, какъ на придорожный камень, о который будетъ задѣвать всякое колесо, смазанное дегтемъ. Малодушіе не сродно мнѣ; но не пріятно и услажденіе своимъ собственнымъ мученичествомъ. По при-

¹⁾ Совершенное ничтожество.

родѣ и по благодати я общителенъ съ ближними, а при напорѣ на меня Толстой и Черной силы я уже чувствую въ себѣ зарожденіе не ненависти къ людямъ, а какой-то робости, претящей мнѣ бывать даже у тѣхъ лучшихъ людей, которые уважали меня, и которые теперь, быть можетъ, подозрѣваютъ во мнѣ негодяя... Я еще смѣюсь надъ этою робостью; но она одолеваетъ меня, почерпая себѣ силу въ напоминаніи мнѣ объ отшельничествѣ моемъ. Къ этой робости присоединяется язвительная мысль, что я живу въ обществѣ не-христіанъ; ибо истинно вѣрующіе во Христа врачевали бы мои немощи, поднимали бы меня падшаго, прощали бы мое прегрѣшеніе ради покаянія моего, ради лучшихъ качествъ, кои должны же быть во мнѣ, потому что я сотворенъ не сатаною. Но меня только грязнятъ, презираютъ, уничтожаютъ. Духовное состояніе мое въ настоящее время весьма не хорошо. *Ma mémoire est attaquée et mise en trouble. Mes pensées se combattent entre elles. Toute la région, où les pensées se forment, est comme un champ de bataille, où les hommes s'entretuent les uns les autres. Toutes mes passions sont émues. Tout en moi est en discorde. La paix est ôtée. Ma pauvre âme est comme partagée, déchirée, meurtrie et tuée par cette guerre sanglante qui se fait en elle. O guerre cruelle, et plus cruelle et pénible à supporter, que l'on ne peut l'exprimer! Je n'ai ni force ni courage pour résister à rien. Tous mes projets, toutes mes espérances, tout appui en ce qui m'aurait soutenu jusqu'à présent, tout est arraché; et il ne reste qu' un abandon sec et sans aucun goût à la volouté de Dieu,—que dis-je? il ne reste qu' attendre, si peut-être le seigneur aura compassion et descendra dans mon enfer.*

O, je crois et j'espère, qu'il descendra là et assistera en secret, et sans que je le sache d'une manière distincte, à toutes mes peines: il les adoucira en ayant porté la plus amère, et par sa présence me vendra cet enfer supportable et doux, et n'en tirera.

Je le crois, je l'espère, et c'est pourquoi je comprends, que l'Éternel, qui brise les cèdres du Liban, me remet dans un néant, afin que je puisse être crée de nouveau. Oui! Quand il anéantit bien plus profondément tout notre être par des moyens d'autant plus admirables qu' ils sont douloureux, étranges et incompréhensibles à l' esprit humain, il veut nous posséder plus intimement que jamais et devenir, tout en nous, le principe de notre vie et de toutes nos opérations.

À Dieu, mon amie! Croyez, aimez, espérez et poursuivez votre route en paix. ¹⁾

А. П.

Напомните обо мнѣ Эдиттѣ Теодоровнѣ. Ежели не позволятъ мнѣ *ожить* въ Ораніенбаумѣ, то я увѣдомлю васъ объ этомъ.

СПБ. 1857 г. 1 Мая.

Давно вы не писали ко мнѣ. Что съ вами? Перо ли ваше притупилось? Или я заслужилъ неблаговоленіе ваше?

Жду отъ васъ привѣта. Жду отъ васъ вѣстей. Ради Бога откликнитесь.

Посылаю вамъ при семь сочиненія мои. Прочитавъ, подарите ихъ кому-либо изъ нашихъ духовныхъ лицъ, служащихъ за границую. Ибо для васъ и для Эдитты приготовлены тѣ же книги и картины на лучшей бумагѣ и въ хорошемъ переплетѣ. Когда возвратитесь въ отечество, получите ихъ или отъ меня, или отъ библіотекаря Великой Княгини.

Цвѣтите. Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

¹⁾ Моя память подверглась нападкамъ и приведена въ разстройство. Мои мысли сталкиваются между собой. Вся область мыслей подобна полю битвы, на которой люди взаимно убиваютъ другъ друга. Всѣ мои страсти возбуждены. Во всемъ во мнѣ безпорядокъ. Миръ отнять. Моя бѣдная душа какъ будто раздѣлена, разорвана, умерщвлена и убита той кровавой войной, которая въ ней происходитъ. О жестокая война и болѣе жестокая и мучительная для перенесенія, чѣмъ можно это выразить. У меня вѣтъ ни силъ, ни смѣлости противиться чему-либо. Всѣ мои планы, всѣ мои надежды, вся опора, поддерживавшая меня до настоящаго времени,— все отнято, остается только сухая и безъ всякой склонности преданность волю Божіей. Что мнѣ сказать? Остается только ждать, что быть можетъ Господь будетъ милостивъ и снизойдетъ въ мой адъ.

О, я вѣрю и надѣюсь, что Онъ туда снизойдетъ и тайно, такъ, чтобы я раздѣльно не постигалъ, поможетъ во всѣхъ моихъ страданіяхъ; Онъ ихъ усладитъ, ибо переносилъ самое горькое, и своимъ присутствіемъ сдѣлаетъ для меня этотъ адъ переносимымъ и пріятнымъ, и извлечетъ меня изъ него.

Я вѣрю и надѣюсь на это и вотъ почему я понимаю, что Вѣчный, сокрушающій кедры ливанскіе, обращаетъ меня въ ничто, чтобы меня можно было вновь создать. Увы! когда Онъ вполнѣ уничтожаетъ все наше бытіе средствами, тѣмъ болѣе удивительными, что они прискорбны, странны и непонятны для человѣческаго ума, онъ желаетъ нами обладать болѣе тѣсно, чѣмъ когда-либо и сдѣлаться въ насъ всѣмъ,—принципомъ нашей жизни и всѣхъ нашихъ дѣяній.

Прощайте, мой другъ! Вѣрьте, любите, надѣйтесь и стѣдуйте своему пути въ мирѣ.

СПБ. 1857 г. Мая 7 дня.

Чѣмъ нетерпѣливѣе я ожидалъ письма вашего, тѣмъ болѣе обрадовался, получивъ его въ пору усиленія моихъ недоумѣній о вашемъ немаловременномъ молчаніи. Вы здоровы, благодущны, и душевно преданы мнѣ. Узнавъ это, теперь я спокоенъ, веселъ и, недѣли двѣ, не буду думать о васъ.

Пріятно мнѣ было знать, что вы передали Великой Княгинѣ мой пасхальный привѣтъ, и что она приняла его благосклонно. Я люблю въ Ней тѣ дарованія, коими богато надѣлилъ Ее Богъ, и тѣ добродѣтели, кои проявляютъ сочетаніе воли Ея съ благодатію Христовою. Воззрѣніе на прекрасный ликъ Ея, подаренный мнѣ предъ отъѣздомъ вашимъ за границу, утѣшаетъ меня въ скорбяхъ моихъ.

Духовная сладость, которую вы ощущали въ себѣ послѣ пріобщенія Св. Таинъ, понятна мнѣ. Въ золотые дни дѣвственной юности моей я послѣ исповѣди и причастія бывалъ такъ соединенъ со Христомъ, что во весь день и вечеръ тотъ пѣлъ разныя молитвы, дабы ни одна грѣшная мысль не потемнила души моей. Это святое усиліе воли, послушной благодати Христовой, вспоминаетъ Богъ, когда душа предстанетъ предъ престоломъ Его. Будетъ вспомнута Имъ и ваше пріобщеніе къ Нему съ вѣрою, любовью и надеждою, хотя оно было и кратковременно. Богъ есть Память, въ которой вѣчно хранится всякое святое помышленіе и чувство наше, даже мгновенное.

О пѣніи вашемъ на клиросѣ въ походной церкви слышу отъ васъ въ первый разъ. Русскія дѣвы и жены воспѣвали величія Божія въ Іерусалимѣ, Александріи, Каирѣ и въ Синайскомъ монастырѣ, и стройнымъ пѣніемъ своимъ производили пріятное впечатлѣніе въ тамошнихъ христіанахъ: а вы славословите Бога въ Ниццѣ. Безподобно! Молитва воспѣваемая, или произносимая женщиною, по мнѣ, есть единственное доказательство того, что женскій полъ сотворенъ по образу и по подобію Божію. Перестанъ женщина молиться: я буду видѣть въ ней обезьяну. Изъ ветхозавѣтнаго писанія видно, что не Адамъ, а Ева въ первый разъ произнесла слово Богъ, когда, родивъ первенца, сказала: „*стяжашъ челоѣвка Богомъ*“. А въ новомъ завѣтѣ Пресвятая Дѣва Марія, первая, высокимъ умомъ прославила Вышняго,

говоря: „величить душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ“. Первое кратчайшее вѣроисповѣданіе праматери Евы; и первое славословіе Богу Дѣвома-тери Маріи—вотъ непрерываемыя свидѣтельства чело-вѣчности и близости къ Богу вашего пола! Итакъ пойте Богу пѣснь нову, пѣснь христіанскую, молитесь съ нами, разумно и пламенно, и тѣмъ поддерживайте въ насъ высокое поня-тіе о вашемъ Богоподобіи. Великій Князь К. Н. пѣлъ вмѣ-стѣ съ вами на клиросѣ. Безподобно! Греческій царь Іоаннъ Палеологъ въ бытность свою въ Римѣ (1436 г.) домогался у Папы, чтобы ему позволено было прочесть Апостолъ во время литургіи въ базиликѣ Петра, но не получилъ разрѣ-шенія на то, потому что лишь однимъ французскимъ коро-лямъ, со времени Карла Великаго, предоставлено было право чтеца священ. книгъ во время богослуженія Папъ. А нашъ Великій Князь безъ спросу пѣлъ величія Божія въ епар-хіи преемника апостола Петра. Онъ правъ. У православнаго князя кто Папа?—его сердце, любящее Бога.

Извѣстіе о построеніи православной церкви въ Ниццѣ въ память пребыванія тамъ нашихъ царственныхъ женъ усла-дило меня. Вѣдь, мы вселенскіе христіане: такъ и церкви наши должны быть вездѣ. Жаль, что я не съ вами: а то положилъ бы и свою лепту въ основаніе новаго святилища Господня. Нашъ Синодъ отказалъ всѣмъ вамъ въ денеж-номъ пособіи, обѣщавшись помогать богоугодному дѣлу ва-шему молитвами своими. *C'est magnifique et pas cher*: гово-рите вы. *Magnifique et pas cher*—вторю вамъ.

8 Мая.

Огорченія мои увеличиваются со дня на день. Отъ чего же?

Я узналъ отъ одной знатной госпожи, что меня оклеве-тали предъ Государемъ, который, въ присутствіи ея, на во-просъ Кавелиной о мнѣ,—архимандритъ устраненъ отъ Іеру-салима неужели за то, что вѣлъ тамъ скромное?—отвѣчалъ смѣясь: „*между прочимъ* и за это“. Богъ,—судія клеветникамъ моимъ неблагоразумнымъ! Нужно было имъ возмущать тихую душу царя какими-то сплетнями и позорить чело-вѣка, съ которымъ они не жили ни одного дня. Но что сказано, то врѣзано въ душу Слышавшаго. Кто же изгладить въ ней сильное впечатлѣніе? Не знаю.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ С-нъ

говорилъ мнѣ, что Графъ Толстой наконецъ хотѣлъ меня назначить въ Іерусалимъ, но князь Горчаковъ предпочелъ мнѣ епископа Поликарпа по одобренію Гр. Путятина и по дипломатическому суевѣрію, заставляющему его удалять отъ нашихъ посольствъ и миссій всѣхъ прежде служившихъ тамъ, и опредѣлять новыхъ чиновниковъ, которые, однако, не имѣя живого преданія о ходѣ дѣлъ и о характерахъ лицъ (въ Берлинѣ напр.), не знаютъ къ кому обращаться въ случаѣ надобности. Новое суевѣріе! А одобреніе Поликарпа Путятинымъ объясняется знакомствомъ ихъ либо въ Аѳинахъ, либо въ Крыму, и забавнымъ мнѣніемъ его сіятельства, будто я своими записками о Востокѣ приготовилъ прошедшую войну. Это мнѣніе Путятинъ выразилъ товарищу моему по Академіи арх. Аввакуму во время недавняго плаванія въ Китайско-Японскихъ моряхъ. Грозенъ же я! Однако можно было бы подумать, что кто способенъ причинить войну, тотъ сможетъ возстановить и миръ.

Бываетъ несчастное время, когда стѣсняють кругъ благотворной дѣятельности даровитыхъ людей. Таково наше время. Недавно отсюда услали въ Казань умнаго Ректора Семинаріи, и на мѣсто сокола посадили ворону; а ректора Академіи преосв. Макарія удаляютъ въ Тамбовъ, гдѣ онъ долженъ судить и рядить пьяныхъ церковниковъ, и гдѣ къ глубокому прискорбію многихъ и моему, онъ уже не будетъ имѣть ни досуга, ни ученыхъ пособій для окончанія превосходнаго сочиненія своего, именно, исторіи нашей Церкви, которой лишь три части обнародованы на дняхъ. Онъ не имѣлъ счастья понравиться новому митрополиту. Увы! Пришло горе умамъ.

Нашего апостольскаго мужа, преосвящ. Іннокентія вызываютъ съ Алеутскихъ острововъ для присутствія въ Св. Синодѣ, не предусмотрѣвъ, что во время разлученія его съ паствою, еще младенчествующею въ вѣрѣ, какой-нибудь раскольникъ—торгашъ водкою, можетъ посѣять въ ней плевелы раскола, да такъ, что этого посѣва и не замѣтитъ наше духовенство, придерживающееся чарочки и подъ хмелькомъ не видящее далѣе носа. Горюю объ этомъ. Но дай Богъ, чтобы горестъ моя окончилась одною тревогою души моей, вѣрующей въ Церковь *едину*, святую, соборную, а не въ раскольничью.

Митрополитъ не позволилъ провести мнѣ нынѣшнее лѣто въ Ораніенбаумѣ подѣ кровомъ земного ангела-хранителя моего, сказавъ: „тамъ жить вамъ какъ-то неловко“. Не осуждаю его, и безропотно покорствую волѣ его, однако нѣжность души покойнаго Никанора цѣню выше уставной суровости здравствующаго Григорія. Я просился въ Ораніенбаумъ не по какимъ-либо своекорыстнымъ видамъ и не для того, чтобы тамъ жить разсѣянно, а для того, чтобы тамъ подышать чистымъ воздухомъ и въ тихомъ пріютѣ Великой Сестры милосердія обработать новое сочиненіе свое о разныхъ состояніяхъ духовной жизни. Почему бы, кажется, не отпустить меня туда? Все наше царственное семейство имѣетъ достоинство *священническое*: посему то и архіереи, и іереи цѣлуютъ руку царицы, царевны и великой княгини. Почемужъ бы не прилично священному лицу провести нѣсколько дней подѣ отдѣльнымъ кровомъ *Особы священной* въ занятіяхъ духовныхъ? Иное дѣло, если бы приглашали меня жить въ *одномъ домѣ* съ мірскимъ семействомъ: тогда и самъ я отказался бы отъ такого приглашенія, умѣя отличать неприличное отъ пристойнаго. Но Ея Высочество по мудрому такту своему представляетъ мнѣ отдѣльный и совершенно уединенный пріютъ; а этотъ тактъ Ея миритъ мою совѣсть съ закономъ пристойности—тѣмъ болѣе, что слабое здоровье мое даетъ мнѣ право сдѣлать исключеніе изъ устава моей жизни и пользоваться милостью *Особы священной*, по благословенію архипастырскому. Въ этомъ благословеніи вся сила. Оно можетъ обратить загородный пріютъ мой въ пристойную званію моему келію, когда извѣстно, что живущій тутъ есть уже старецъ. Кому не понравилось бы это разсужденіе мое, тому я сказалъ бы: „душенька! не мѣсто святить человѣка, а человѣкъ святить мѣсто“, и примолвилъ бы: „гдѣ царствуетъ цѣломудріе, тамъ пожить прилично всякому, кто сохранилъ это ангельское свойство“.

Я люблю нѣжныя души, но уважаю и суровыя, и потому прошу васъ доложить Великой Княгинѣ объ отказѣ митрополита такъ, чтобы Она видѣла во мнѣ покорнаго сына строгому отцу.

Я скоро уѣду отсюда въ Кострому для свиданія съ престарѣлою матерью и съ родными моими. Ихъ любовь крайне нужна мнѣ въ настоящемъ безотрадномъ моемъ состояніи.

Среди нихъ я не буду смотрѣть на себя, какъ на отлученнаго отъ общества. Не въ Лаврѣ, а въ родительскомъ домѣ обновится, яко орля, юность души моей, къ которой набожная мать моя умѣла привить страхъ Божій, цѣломудріе, незлобіе и терпѣніе.

До отъѣзда на родину я еще буду писать къ вамъ. Мнѣ, удрученному подъ тяжестью креста, отрадно видѣть въ васъ Веронику и давать вамъ нерукотворенный образъ мой, т. е. открытую душу въ терновомъ вѣнцѣ, но съ сіяніемъ вѣры, надежды, преданности Богу и упокоенія въ Его волѣ мудрой святой и благой.

Благословеніе Господне на васъ! Онъ же, Милосердый, да благословитъ и вторую Матерь вашу и Эдитту и княгиню Одоевскую.

А. Порфирій.

P. S. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправлены къ вамъ, чрезъ посредство Г. Обазы, двѣ карты Синая, забытыя при отправкѣ сочиненій моихъ.

С. П. Б. 27 Іюня 1857 г.

Много утѣшило меня письмо ваше отъ 20 мая. Вы надѣйтесь вмѣсто меня и за меня, и вѣрите, что Господь не оставитъ меня по великому милосердію Своему. Ваша вѣра оправдалась и надежда осуществилась. Припомните: я писалъ вамъ, что Господь милуетъ меня.

Но ваше нетерпѣливое ожиданіе успокоенія моего въ Ораніенбаумѣ не сбылось. Видно, Богъ скорѣе подаетъ намъ блага духовныя, нежели вещественныя, скорѣе врачуетъ душу, нежели тѣло. Хвала Ему за все!

Распоряжайтесь книгами моими, какъ хотите. Прикуйте ихъ къ небу, закопайте въ землю, опустите въ море, оставьте въ Ниццкой больницѣ: я согласенъ на все. Лишь бы ваша свобода не стѣснялась моею волею.

На клиръ нашъ—новая невзгода. На мѣсто преосвящ. Макарія ректоромъ Академіи назначенъ жившій со мною въ Іерусалимѣ Теофанъ, qui n' a d' autre mérite, qu' un extérieur composé! Всѣ здѣсь знаютъ, что онъ.... умѣетъ только вышивать шелками и бисеромъ (чему съ любовью учился у извѣстной вамъ госпожи Меркуровой), и всѣ удивляются назначенію его. Общее удивленіе раздѣляю и я, и глубоко сожалею о томъ, что хотятъ затмить у насъ и безъ того не блестящее

просвѣщеніе духовное. Инспектора здѣшней академіи архимандрита Кирилла принуждаютъ ѣхать въ Константинополь въ качествѣ священника при тамошнемъ посольствѣ нашемъ, не смотря на его даровитость и ученость (онъ докторъ Богословія), твердость въ православіи и неукоризненную жизнь. Увы! Пришло горе умамъ. Съ сихъ поръ не ожидайте ни богослововъ, ни проповѣдниковъ, ни писателей духовныхъ, хотя въ Академіи и не устроятся станки для вышиванія.

Были у насъ мученики за вѣру. Теперь мучать нашихъ за науку.

Не спрашивайте меня: откуда тьма? Почему призраки являются на мѣстѣ существъ живыхъ? И чего должно ожидать отъ нихъ въ оградѣ нашей Церкви? Я не умѣю, не хочу, не могу отвѣчать вамъ. Я—дерево, изъ котораго однако льются слезы.

Однажды нѣкто говорилъ мнѣ, что если засѣять Россію іезуитами, то всетаки выростутъ казаки. А кто выростетъ, если засѣютъ ее дураками?—Орангутанги? Избави насъ Господи и отъ іезуитовъ и отъ орангутанговъ....

Я нахожу теперь величайшее утѣшеніе въ чтеніи превосходнаго сочиненія. *Vie des pères des déserts d' Orient avec leur doctrine Spirituelle* (par Marin), которое совѣтую читать и вамъ. И прежде я перелистывалъ это сочиненіе, но для одной любознательности, а теперь перечитываю его для назиданія себя, и съ трепетомъ узнаю, что я еще не начиналъ спасаться. Святые отцы, живя духовно, такъ хорошо знали душу съ ея слабостями и совершенствами, что только у нихъ и можно научиться познанію себя самого, безъ котораго навѣкъ останешься во тьмѣ, въ нечистотѣ и безъ союза съ Богомъ.

Выписываю нѣсколько строкъ, чтобы дать вамъ понятіе о духовномъ брашнѣ св. отцевъ.

Voici les marques extérieures d' orgueil. Il rend d' abord le ton de notre voix élevé, notre silence sombre et amer, nos ris, éclatans et immodérés, nos tristesses déraisonnables, nos réponses aigres, nos discours légères, nos paroles sans poids, sans discernement, sans gravité, il nous rend impatiens, sans charité, hardis à faire outrage aux autres, sensibles à ceux que nous recevons, leuts à obéir, sinon lorsque nous avons déjà prévenu par nos désirs ce qu'on nous com-

mande, incapables de recevoir un avis et de souffrir une réprimande impuissans à résister à notre propre volonté, inflexibles pour nous soumettre à celle des autres, toujours opiniâtres à soutenir nos sentimens, et jamais en état de nous rendre à ceux de nos frères, ainsi nous devenons incapables de conseil et de conduite, et nous osons avoir plus de confiance en notre propre jugement qu' en celui de notre supérieur.

Dieu, qui est le médecin comme l'auteur de toutes les créatures, sachant que l'orgueil est le principe de nos maladies, a voulu que ce qui était tombé par l'orgueil se relevât par l'humilité. Le démon dit: *je monterai au plus haut des cieux*. I. Christ dit: *mon âme est rabaissee jusqu' à la poussière de la terre* (Psalm. 43, 25). Le démon dit: *je serai semblable au Très-Haut*. Et I. Christ étant dans la gloire de Dieu s'est anéanti lui-même en prenant la forme d' un esclave. Le démon dit: *j' élèverai mon trône au-dessus des astres de Dieu*. I. Christ dit: *apprenez de moi que je suis doux et humble de coeur*.

Sur colère.

Nous pouvons nous mettre en colère seulement contre notre colère même, contre nos mauvais désirs, contre nos défauts, contre nos passions, ce qui se fait, quand nous tâchons de corriger par une componction salutaire les dérèglements de notre coeur. Mais que peut-on dire de ceux, qui au lieu de s' élever contre eux-mêmes par ces sentimens de componction, s' irritent contre les autres, et bien loin de terminer leur colère avant que le soleil se couche, nourrissent plusieurs jours une aversion secrète de ceux contre qui ils sont fâchés? C' est là une véritable vengeance; et c'est de cette manière que se vengent tous les jours ceux qui n' étouffent pas leur émotion par le désir de la paix et par l' amour de la douceur, mais par la seule impuissance, où ils se trouvent de se venger; car peuvent-ils faire davantage, et donner une plus grande marque de leur colère à ceux contre qui ils sont fâchés, que de ne leur parler avec leur douceur ordinaire? La colère qui est renfermée dans le coeur peut bien ne pas offenser les hommes; mais elle bannit autant la lumière divine du S. Esprit, que si elle éclatait au-dehors.

Les remèdes contre la colère sont: 1.º de n'en souffrir aucun sentiment volontairement dans le coeur, et de nous défier de ses mouvemens, lors même que nous croyons qu' il est permis de nous fâcher pour quelque sujet légitime. 2.º De considérer qu' en offrant notre prière à Dieu, elle n' est point reçue, lorsqu' en la faisant

nous conservons la colère dans le coeur. 3-0 Nous souvenir de la fragilité de notre nature et de l'inconstance de notre vie; croire tous les jours que nous allons sortir de notre corps et que nous n'avons rien mérité par notre chasteté et par nos travaux, puis que notre seul colère nous rend toutes les vertus inutiles, et nous fait tomber dans les supplices dont le juge de tous les hommes a menacé les vindicatifs et les colères.

Sur contemplation.

L'homme environné d'infirmités sur la terre, ne doit pas prétendre d'y être inséparablement uni à Dieu par la contemplation. Tout ce qu'il peut faire est de savoir, à quoi son esprit doit toujours tendre, et quel objet il doit se proposer pour y être toujours appliqué. Il doit se rejouir et se consoler dans son âme, lorsqu'il y pense. Il doit gémir et s'affliger, lorsqu'il s'en éloigne par de vaines distraction; et alors il doit rappeler son coeur de son égarement et redresser ses pensées pour les porter à le divine objet. Pour ce qui est de la contemplation de Dieu, on ne connaît pas seulement Dieu par la vue et l'admiration de son essence incompréhensible, ce qui est encore voilé pour nous et caché dans l'espérance des promesses qu'on nous a faites. Mais on le connaît ici—bas par la grandeur et l'excellence de ses oeuvres, par la considération de sa justice et par cette providence et cette sagesse qu'il fait reluire sans cesse dans le gouvernement du monde. Ainsi nous nous élevons à lui en contemplant avec un esprit pur la conduite qu'il a tenue de siècle en siècle sur chacun des saints qu'il a fait naître dans son Église; en admirant avec un sainte frayeur cette puissance souveraine, avec lequel il gouverne, il ordonne, il régle tout, cette science infinie et cet oeil pénétrant qui perce jusq'au fond des coeurs sans que rien se puisse dérober à sa lumière: en nous représentant avec étonnement qu'il connaît le nombre des grains de sable et les flots de la mer; en admirant que chaque goutte de pluie, chaque jour, chaque heure, tout le passé, tout l'avenir subsiste devant lui et est présent à sa connaissance.

Mais ce qui doit nous toucher davantage, c'est quand nous repassons dans notre esprit cette douceur et cette patience infatigable avec laquelle il souffre le nombre infini de crimes qui se commettent tous les jours devant ses yeux; lorsque nous faisons réflexion à l'état saint auquel il nous a appelés par sa pure miséricorde: enfin lorsque nous voyons avec un transport de joie et d'admiration, combien, après nous avoir choisis pour être du nombre de ses enfans, il nous

a fait naître d'ouvertures et d'occasions favorables pour nous sauver.

Veillez sur vos yeux, sans quoi ils vous trahiront bientôt par leur mobilité.

Quand vous êtes frappé de l'opulence, de la grandeur ou de la puissance de grands du monde, faites aussitôt attention à la fragilité de toutes ces choses, et vous n'en serez pas touché.

Donnez toujours la préférence à la charité du prochain, à moins que l'amour que vous devez à Dieu n'en souffrit de diminution dans votre âme.

Quand vous voulez avertir celui qui pèche, mêlez toujours dans votre admonition des paroles de douceur: vous ramollirez, pour ainsi dire, par là ses oreilles et vous éclairerez son cœur.

1) Il est bon non seulement de prier pour la remission de ses échés, mais encore pour celle des péchés des autres: par cette prière de charité nous imitons les saints anges 1).

Оканчиваю это письмо любимымъ благожеланіемъ вамъ:

Благословеніе Господне на васъ!

A. II.

1) Вотъ внѣшніе признаки гордости. Она прежде всего дѣлаетъ тонъ нашего голоса повышеннымъ, наше молчаніе мрачнымъ и горькимъ, нашъ смѣхъ звучнымъ и неумѣреннымъ, наши горести безмысленными, наши отвѣты рѣзкими, наши разговоры легкими, наши слова неимѣющими вѣса, точности, степенности, она насъ дѣлаетъ нетерпѣливыми, безъ любви, отважными въ оскорбленіи другихъ, чувствительными къ тѣмъ, которые насъ принимаютъ, медленными въ послушаніи, исключая тѣхъ случаевъ, когда мы своими пожеланіями предупредили то, что намъ приказываютъ, неспособными признавать мнѣніе и переносить упрекъ, слабыми въ сопротивленіи нашей собственной волѣ, непреклонными для того, чтобы подчиниться волѣ другихъ, всегда упорными въ поддержаніи своихъ мнѣній и мы никогда не въ состояніи присоединиться къ мнѣнію своихъ братьевъ, такъ обр. мы становимся невосприимчивыми къ совѣту и руководству и осмѣливаемся больше довѣрять собственному сужденію, чѣмъ сужденію своего начальника.

Богъ-врачъ, точно также какъ и Творецъ всѣхъ созданій, зная, что гордость—начало нашихъ болѣзней, пожелалъ, чтобы павшій отъ гордости поднялся путемъ смиренія. Демонъ говоритъ: взыду въ горнія небеса. І. Христосъ говоритъ: душа моя снизошла до праха земли (Ис. 43, 25). Демонъ говоритъ: я буду подобенъ Вышнему. И І. Христосъ пребывая въ славѣ Божіей, смирилъ Себя, принявъ образъ раба. Демонъ говоритъ: я поставлю свой престолъ выше звѣздъ Божіихъ. І. Христосъ говоритъ: научитесь отъ Меня, что Я кротокъ и смиренъ сердцемъ.

О Г Н Ъ В Ъ.

Мы можемъ гнѣваться только на свой собственный гнѣвъ, на свои дурныя пожеланія, на свои недостатки, на свои страсти, что происходитъ

С.-П.-Б. 16 іюля 1857 г.

Послѣднее письмо ваше изъ Ниццы, отъ 12 іюня, доставлено мнѣ въ 13 день іюля. Въ этотъ день у меня были двѣ радости: одна—объ огласившемся здѣсь назначеніи меня въ

тогда, когда мы стараемся исправить разстройство своего сердца спасительнымъ сокрушеніемъ во грѣхахъ. Но что можно сказать о тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы возставать противъ самихъ себя этими чувствами сокрушенія, заблуждаются въ отношеніи къ другимъ, и далекіе отъ того, чтобы кончить свой гнѣвъ до захода солнца, долго питаютъ тайное отвращеніе къ тѣмъ, противъ которыхъ они раздражены? Это истинная мсть; и этимъ способомъ мстятъ всегда тѣ, которые не потушаютъ своей страсти желаніемъ мира и любовью къ кротости, по одной только беспомощности мстить, въ которой они находятся; ибо могутъ-ли они сдѣлать большее и дать лучшей признакъ своего раздраженія тѣмъ, на которыхъ они сердиты, какъ не тѣмъ, что не говорятъ съ ними съ обычной кротостью? Гнѣвъ, заключенный въ сердцѣ, можетъ не оскорблять людей, но онъ также изгоняетъ божественный свѣтъ Св. Духа, какъ еслибы онъ проявлялся во вѣ.

Средства противъ гнѣва: 1-е Не допускать охотно никакого ощущенія его въ сердцѣ, и остерегаться всякаго его движенія даже тогда, когда мы думаемъ, что позволительно намъ гнѣваться во имя какогонибудь законнаго предмета; 2-е имѣть въ виду, что при принесеніи нашей молитвы къ Богу, она не будетъ принята, если мы совершая ее, питаемъ въ сердцѣ гнѣвъ; 3-е вспоминать о тлѣнности нашей природы и непрочности нашей жизни, всегда помнить что мы должны разстаться со своимъ тѣломъ и что мы ничего не приобретаемъ своимъ цѣломудріемъ и своими трудами, если одинъ гнѣвъ дѣлаетъ для насъ всѣ добродѣтели бесполезными, и подвергаетъ насъ наказаніямъ, которыми судья всѣхъ людей угрожалъ мстительнымъ и гнѣвнымъ.

О С О З Е Р Ц А Н І И.

Окруженный на землѣ проходящимъ, человекъ не долженъ претендовать здѣсь на нераздѣльное соединеніе съ Богомъ путемъ созерцанія. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это—знать, къ чему его духъ постоянно долженъ стремиться и какой онъ долженъ избрать себѣ объектъ, чтобы быть постоянно къ нему приверженнымъ. Онъ долженъ радоваться и утѣшаться въ душѣ, когда онъ о немъ думаетъ. Онъ долженъ вздыхать и сокрушаться, когда онъ удаляется отъ него, благодаря пустой разсѣянности; и тогда онъ долженъ возвратитъ свое сердце съ пути заблужденія и подавить свои мысли, чтобы привести ихъ къ божественному объекту. Что касается до созерцанія Бога, Бога не познаютъ только созерцаніемъ и удивленіемъ Его непостижимой сущности, это еще сокрыто отъ насъ и сокрыто въ надеждѣ обѣщаній, которыя намъ даны. Но здѣсь на землѣ познаютъ Его въ величій и превосходствѣ Его дѣлъ, созерцая Его правосудіе, тотъ промысль и ту мудрость, которую Онъ проявляетъ непрерывно въ управленіи міромъ. И такъ, мы восходимъ къ Нему въ созерцаніи чистымъ духомъ поведеніе, отъ вѣка и до вѣка Имъ проявляемое на

Іерусалимъ *помощникомъ* Поликарпу, а другая—о продолженіи вашей дружеской переписки со мною. Первая радость моя еще можетъ обратиться въ печаль, если верховная власть не утвердитъ почему либо назначеніе меня въ св. градъ, вторая же пребудетъ во мнѣ, какъ благоуханіе въ кринъ, освѣженномъ медовою росю.

Ваше огорченіе, по случаю извѣстнаго отказа митрополита, невинно, какъ естественное обнаруженіе вашего добродушія. Но пусть оно не сопровождается ни осужденіемъ, ни порицаніемъ того, кто лишилъ меня блага земного. Я уже не только не скорблю, но даже не вспоминаю объ этомъ лишеніи. Не вспоминайте о немъ и вы.

Искреннее сожалѣніе о мнѣ Великой Сестры милосердія умастило мою душу, какъ цѣлебный бальзамъ. За то даруй Ей, Господи, здравіе, долгоденствіе и во всемъ благое поспѣ-

каждомъ изъ святыхъ, которыхъ Онъ произвелъ въ Своей церкви, удивляясь съ священнымъ трепетомъ этой владычественной силѣ, которой Онъ правитъ, распоряжается и устраиваетъ все, той безконечной мудрости, тому провидительному глазу, который проникаетъ до глубины сердець, такъ что бы ничто не могло лишиться его свѣта; представляя себѣ съ изумленіемъ, что Онъ знаетъ число песчинокъ и волнь моря, удивляясь, что каждая капля дождя, каждый день, каждый часъ, все прошедшее, все будущее открыто предъ Нимъ, и доступно Его знанію.

Но что должно насъ больше тронуть, это если воспроизведемъ въ своемъ умѣ ту кротость и то терпѣніе неутомимое, съ которымъ Онъ терпитъ безконечное число преступленій, которыя совершаются ежедневно предъ Его глазами, если мы подумаемъ о священномъ состояніи, къ которому Онъ призвалъ насъ, благодаря единственно своему милосердію; если мы наконецъ посмотримъ съ восхищеніемъ и удивленіемъ, сколько Онъ, избравъ насъ къ тому, чтобы быть въ числѣ Его дѣтей, производитъ поводовъ и благопріятныхъ случаевъ для нашего спасенія.

Наблюдайте за своими глазами, иначе они васъ увлекутъ скоро своею подвижностью.

Когда вы поражены изобиліемъ, величіемъ или могуществомъ великихъ міра, то тотчасъ обращайте вниманіе на тлѣнность всѣхъ вещей и вы этимъ не будете затронуты.

Отдавайте всегда предпочтеніе любви ближняго, но чтобы любовь ваша къ Богу отъ этого не уменьшалась въ вашемъ сердцѣ.

Если вы желаете обратить грѣшника, то въ свое увѣщаніе всегда вставляйте слово ласки, вы смягчите, такъ сказать, этимъ его слухъ и освѣтите его сердце.

Хорошо молиться объ оставленіи не только своихъ грѣховъ, но еще и объ оставленіи грѣховъ другихъ, этой молитвой любви мы подражаемъ святымъ ангеламъ.

шеніе; и ангель хранитель Ея да благословляетъ струи той цѣлебной воды, которую Она пьетъ, или будетъ пить. Великая Княгиня, вѣдь, краса наша. Ея умъ и добродѣтели весьма нужны намъ. Но о ней лучше бесѣдовать съ Богомъ, нежели съ людьми.

А мы съ вами будемъ разговаривать, пока духъ жизни пребудетъ въ насъ. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи неба нѣтъ такихъ звѣздъ, которыя *видимо* простирали бы, одна къ другой, тончайшую нить чистаго свѣта, какъ это замѣтно въ полушаріи южномъ. Ну, такъ мы замѣнимъ эти звѣзды! Посылайте вы мнѣ свѣтъ свой: а я буду отсвѣчать вамъ. Истинная дружба есть чистѣйшее соосвѣщеніе душъ тѣмъ свѣтомъ, которое изливаетъ на нихъ вѣчное Солнце—Богъ.

Теперь горитъ во мнѣ желаніе распознать дары и плоды Духа Святаго. Что такое, напр., даръ премудрости и разума, или даръ совѣта и крѣпости? Какое отношеніе ихъ къ природнымъ способностямъ души нашей? Чѣмъ отличаются плоды *благодати*, напр. любовь, радость, кротость, отъ любви, радости, кротости *естественной*? Вотъ предметы, которые нужно знать всякой душѣ христіанской, дабы стремиться къ обогащенію себя этими райскими сокровищами, и такимъ духовнымъ богатствомъ отличаться отъ идолопоклонниковъ, іудеевъ, магометанъ и философовъ, въ которыхъ есть своя мудрость, любовь, кротость! Къ сожалѣнію, объ этомъ нѣтъ ни въ катихизисахъ, ни въ Богословіяхъ, ни въ проповѣдяхъ. Когда я водворюсь въ Сіонѣ, тогда прилѣжно займусь изслѣдованіемъ *сочетанія благодати и природы*; и это изслѣдованіе будетъ предметомъ *особой* переписки моей съ вами.

А до той поры удовольствуемся мѣною слова о дѣлахъ житейскихъ.

Гдѣ то порхаетъ нашъ Іорданскій голубь? Не чутъ, не слышать его! Не пала ли вамъ вѣсточка о немъ? Вотъ, какъ бы вы съ нимъ прилетѣли попить ко мнѣ святой воды изъ Іордана! То-то бы хорошо было!

Я желаю передать въ бібліотеку Великой Княгини Елены Павловны сочиненія свои, но не смѣю сдѣлать того безъ соизволенія Ея. Итакъ доложите Ей объ этомъ.

Вы теперь живете недалеко отъ Виртемберга. Достаньте же мнѣ ту литургію, которую сочинилъ тамошній Король и которой не принялъ народъ Его, если только она была на-

печатана. Любопытно знать чинъ богослуженія Королевскій!
Какъ поживаютъ Нѣмцы? Erdäpfel essen? Zweifel lieben?
Leben sie wohl, mein gnädige Fräulein.

А. П.

P. S. Радуюсь, что Эдитта Теодоровна здравствуетъ. Кланяюсь ей.

Порфирий (Успенский), еп. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн, урожденной Эйлер: [1855–1866 гг.] // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 10. С. 239–264 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Письма Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) къ Свѣтлѣйшей княгинѣ Елизаветѣ Павловнѣ Витгенштейнѣ, урожденной Эйлерѣ.

С.-П.-Б. 1857 г. 13 августа.

Отвѣчаю на два письма ваши, посланныя ко мнѣ изъ Вильбада 14 и 28 іюля.

Вы были больны и выздоровѣли. Болѣзнь ваша причинила мнѣ грусть, а выздоровленіе—радость. Но оба эти чувства растворялись молитвою о васъ. Ибо вы въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ существуете предъ лицомъ Бога, Который есть союзъ всѣхъ душъ.

Не буду болѣе повторять вамъ, что мнѣ пріятно продолженіе вашей дружественной переписки со мною, дабы вы не улыбались... Дружба пріобрѣтается и скрѣпляется не словами, а дѣлами, или по крайней мѣрѣ обнаруженіемъ возвышеннаго образа мыслей, благороднаго и сильнаго характера, душевной чистоты, безкорыстной преданности, и полного сочувствія *со вторымъ Я* во время скорбей и радостей его. Были бы въ комъ эти достоинства: ихъ оцѣнить и къ сердцу приметъ всякій. Ибо никто,—какъ справедливо вы говорите,—не врагъ самъ себѣ и не откажется отъ хорошаго.

Сочиненія мои для библіотеки Ея Высочества, для васъ и для Эдитты переплетены красиво, и на дняхъ будутъ переданы Г. Беркгольцу.

По разумному желанію вашему на всѣхъ будущихъ письмахъ своихъ съ Востока я буду ставить номера. Заданное мнѣ вами послушаніе это будетъ исполнено. Вѣрно замѣчаніе *Юмы Кемпійскаго: notre amour propre et l'illusion que nous avons sur nos coeurs comme sur nos actions, nous font déplacer imperceptiblement la ligne de démarcation, en baptisant de grâce*

ce qui souvent n' est que nature ¹⁾). Но вѣрнѣе откровение Божіе, возвѣщенное устами небожественнаго Павла о дарованіяхъ духовныхъ. Читайте 12, 13, 14 главы посланія сего Апостола къ Коринѳянамъ. Тутъ исчислены всѣ дарованія Духа Святаго. Онѣ прививаются къ естественнымъ способностямъ душъ нашихъ. Но какъ отличить тѣ и другія? Какъ узнать напр.: что мудрость душевная возвышена на степень мудрости благодатной? Вотъ задача! Вотъ глубина богословія! Безъ познанія сей христіанской тайны и безъ обладанія ею мы, богословы, пустословы, а вы, міряне, *нищіе* христіане. Мнѣ представляются два способа провести разграничительную линію между дарованіями благодатными и естественными. Пусть составятъ новый вселенскій соборъ лица, исполненныя Духа Святаго, и на этомъ соборѣ пусть опредѣляютъ союзъ благодати и души. Вотъ первый способъ! Но, къ глубочайшему прискорбію, онъ не осуществимъ въ наше время, когда политическія сходки признаются необходимыми для направленія грязныхъ дѣлъ и грязнѣйшихъ страстей народныхъ, а о церковныхъ соборахъ едва ли кто и помышляетъ. Чтожъ остается дѣлать? Остается изучать творенія св. Отцевъ и житія облагодатствованныхъ мужей и женъ, и въ ихъ поученіяхъ и дѣлахъ отыскивать проявленія благодати. Вотъ второй способъ! Онъ—многосложенъ, труденъ, сбивчивъ; но всетаки наведетъ на истину, или по крайн. мѣрѣ приблизитъ къ ней. Я услаждаюсь выборомъ такого предмета для будущихъ занятій моихъ на св. Сіонѣ. Но освоюсь ли съ нимъ? Не испугаюсь ли пропасти, какая находится между высокими помыслами и исполненіемъ ихъ? Если не освоюсь и испугаюсь; то и не буду говорить вамъ о небесныхъ тайнахъ въ крещенной душѣ. Поищите другого учителя, который объяснилъ бы вамъ сіи тайны. А я за лучшее почту не рассуждать о дарахъ благодати, а просить одного изъ нихъ у Утѣшителя Духа Истины, или по крайн. мѣрѣ приближенія къ тому чудному предѣлу, гдѣ граничатъ благодать и стремленіе къ ней души. Хорошо жить и умереть и на границѣ Рая!!! Тутъ ангелы сжалятся

¹⁾ Наше самолюбіе и иллюзія, которую мы питаемъ относительно своихъ сердець и своихъ дѣяній, заставляють насъ незамѣтно передвигать пограничную линію, считая благодатью то, что просто естественно.

надъ жаждавшею благодати душею, и введутъ ее въ какую нибудь обитель Отца Небеснаго.

14 августа 1857 г.

Продолжаю отвѣтъ свой на два недавнія письма ваши.

Вамъ пріятны были извѣщенія мои о начинающейся перемѣнѣ судьбы моей. А мнѣ отрадно было узнать отъ васъ, что Бел. Кн. К. Н., недовольный выборомъ блаженныхъ нищихъ духомъ на служеніе въ Іерусалимѣ, гдѣ съ кротостію голубиною должна сочетаваться мудрость змѣиная, призналъ за нужное дополнить нищету духа избранныхъ туда лицъ моими дарованіями и опытностію. Кто сообщилъ вамъ эту вѣсточку: тотъ, по всей вѣроятности, зналъ дѣло не не основательно. Вотъ тому подтвержденіе! Гр. Толстой въ 9 день іюля говорилъ мнѣ, что Его Высочество желаетъ видѣть меня.

Однако, къ удивленію моему, до сихъ поръ не объявлены мнѣ ни приказъ, ни отказъ ѣхать въ св. градъ, хотя князь Горчаковъ въ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ меня у Св. вода, и требовалъ давно. Медленность сего дѣла беспокоитъ, а таинственность его пугаетъ меня. Впрочемъ, самая то глубь души моей не возмущаема, потомучто въ ней есть разумная преданность волѣ Божіей. Куда какъ хорошо жить въ Богѣ! Отъ Него душа заимствуетъ неизмѣняемость и довольство среди непрестаннаго волненія мнѣній и дѣлъ житейскихъ и среди огорченій, производимыхъ неудачами, и обманчивостію нашихъ расчетовъ и надеждъ.

И вы постоянно преданы волѣ Божіей и почти въ каждомъ письмѣ выражаете это освящающее васъ чувство. Это мнѣ нравится въ васъ.

А куда какъ не нравится, что цвѣтъ лица вашего еще желтъ! Умывайтесь небесною росою, натирайте лице снѣгомъ, льдомъ, пескомъ, вишневымъ сокомъ, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ, дѣлайте, что придумаете, или что велютъ: только будьте здоровы и цвѣтите на радость мнѣ и многимъ.

Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

Р. С. Епископъ Поликарпъ здѣсь. Онъ усиливается устранить меня отъ дѣла Божія, говоря, что ему визирей не нужно. Но если онъ не султанъ, то и я не визирь. Я священникъ Бога вышняго; и ни ему, и никому не позволю называть меня

иначе. Время покажетъ: пожертвуютъ ли дѣло капризу преосвященнаго старика.

Кланяюсь Эдиттѣ и радуюсь, что она здорова.

Р. S. Митрополитъ отпуская на четыре дня въ Ораніенбаумъ ректора семинаріи А. Нектарія, который и служилъ тамъ въ вашей церкви. А меня такъ не отпускаетъ. Богъ съ нимъ!

Получили ли вы письмо мое отъ 27 Іюня?

С.-П.-Б. 1857 г. Сентября 7 дня.

Я кашляю. Но этотъ недугъ не препятствуетъ мнѣ писать къ вамъ, благодарованный другъ мой.

Молясь о васъ Богу, я утѣшаю себя мыслию, что вы попрежнему здоровы и цвѣтете, какъ лилія. Но когда пріосвѣнитъ васъ наше родное небо? Доколѣ будетъ пусть вашъ теремъ, который я вижу иногда мимоѣздомъ и потаенно освѣняю крестнымъ знаменіемъ? Пора домой! Пора! Вѣдь, и дымъ отечества сладокъ и пріятенъ.

Поискали ли вы для меня литургію Виртембергскаго короля! Или, она только существуетъ въ моемъ воображеніи? Найдите ее, или посмѣйтесь надъ моимъ довѣріемъ къ поэту Мицкевичу, который, помнится, упомянулъ объ этой литургіи въ своемъ сочиненіи *Messianisme, ou l'égglise officielle*.

Если бы вы, или Эдитта достали мнѣ книгу Бунзена, *Nurrolitus und seine Zeit*; то оказали бы мнѣ большую услугу.

Будущность моя еще не обозначается. Я хотѣлъ—было приготовить ее оправданіемъ себя предъ начальствомъ, но отложилъ это дѣло по смиренію; и только вамъ, какъ другу, открываю истинную причину устраненія меня отъ дѣйствій нашихъ въ Іерусалимѣ.

„Въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. я случайно былъ у Горчакова въ Вѣнѣ, и по поводу тогдашняго посланія Константинопольскаго патріарха къ восточнымъ архіереямъ и христіанамъ, въ которомъ было выражено недоброе мнѣніе его о Россіи, говорилъ съ суровымъ княземъ о *нѣкоторыхъ* разноствяхъ между нашею и Греческою церковью, какъ то: о допущеніи у насъ присяги, и о совершенномъ запрещеніи оной у Грековъ, о бракосочетаніяхъ у насъ въ близкихъ степеняхъ родства, а у нихъ въ степеняхъ дальнихъ, о принятіи католиковъ и протестантовъ въ нашу церковь безъ

крещенія, и о перекрещиваніи этихъ разновѣрцевъ на Востокѣ, о рукоположеніи молодыхъ семинаристовъ нашихъ въ священники и діаконы противно правилу св. вселенскаго собора, въ которомъ назначенъ 30 лѣтній возрастъ для іерея и 25 лѣтній для діакона, и которое строго соблюдается Греческою церковью. Рѣчь моя, къ сожалѣнію недоконченная, произвела въ слушатель мой сильное, но непріятное впечатлѣніе. Тогда онъ затаилъ его, а въ 30 день мая нынѣшняго года выразилъ мнѣ, сказавъ: „Батюшка! Я помню то, что вы говорили мнѣ въ Вѣнѣ. Вы полагаете, что посвященіе нашего духовенства—неправильно. А по моему мнѣнію, въ этомъ дѣлѣ важно не число лѣтъ посвящаемаго лица, а образованность его. Ваши убѣжденія вамъ принадлежатъ; но я не рѣшился избрать представителемъ нашей Церкви въ Іерусалимѣ такое лицо, которое не убѣждено въ правотѣ Ея“. Эта Русская, княжеская откровенность его обаяла меня. Я полюбилъ его и от избытка сердца отвѣчалъ ему: „Ваше Сіятельство! Я счастливъ и вмѣстѣ несчастенъ; счастливъ тѣмъ, что меня слушаютъ, и несчастенъ тѣмъ, что меня „никогда не дослушаютъ. У всѣхъ нѣтъ времени на то. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ вполнѣ убѣжденія мои касательно предмета, о которомъ говорилъ. Я раздѣляю ваше мнѣніе о предпочтительности образованія духовныхъ лицъ той численности лѣтъ, какая для посвященія ихъ узаконена была въ свѣтлыя вѣка христіанства. Несравненно лучше и полезнѣе имѣть молодыхъ, но ученыхъ и благонравныхъ священниковъ, нежели старыхъ, но полуграмотныхъ и недостойныхъ высокаго призванія ихъ: каковы у насъ были не очень давно, напр: въ царствованіе Екатерины II, когда клиръ пополняли мужиками и даже холопами. Крайняя нужда въ духовномъ свѣтѣ клира для нашего народа измѣнила законъ. Какъ это измѣненіе, такъ и другіе нѣкоторые *оттѣнки* наши извѣстны восточнымъ іерархамъ. Но они не почитаютъ насъ схизматиками: напротивъ говорятъ, что Греческая церковь имѣетъ въ себѣ духъ Божій, и Русская церковь имѣетъ въ себѣ духъ Божій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ первая дѣйствуетъ по строгости закона, а вторая по *сни-схожденію*, или, какъ они выражаются, *экономически*. Такъ

„говорилъ мнѣ знаменитый богословъ ихъ Константинъ Экономидъ. Такъ писалъ онъ къ извѣстному Стурдзѣ по поводу обнаруженнаго Англійскимъ діакономъ Пальмеромъ разгласія нашего съ Греками о крещеніи иновѣрцевъ. Это письмо Экономида я имѣю. Вотъ какъ думаютъ о насъ восточные святители и богословы! Согласно съ ними думаю и я. Схиамы между нашею и Греческою церковью нѣтъ! А разгласіе ихъ не въ вѣчныхъ и непреложныхъ догматахъ, а въ воззрѣніяхъ на нѣкоторые временные и видоизмѣняемые обычаи и учрежденія, примиряется тѣмъ животворнымъ началомъ (principe) православія, по которому позволительно и полезно дѣйствовать иногда по строгости закона, иногда по снисхожденію. И это начало выдуманно не мною, не Экономидомъ и не нынѣшними предстоятелями церквей восточныхъ: нѣтъ, оно в древне и выражено въ постановленіи одного вселенскаго Собора. По этому началу и сами Цареградскіе патріархи дозволяли православнымъ на Синаѣ и въ Индіи брачиться въ близкихъ степеняхъ родства, по уваженію малочисленности тамошнихъ обшинъ“.—Таковъ былъ отвѣтъ мой неприготовленный! (Я передалъ его вамъ, ничего не прибавивъ, не убавивъ). Послѣ сего Князь поговорилъ о неспособности Поликарпа и пригласилъ меня къ служенію въ св. градѣ подъ начальствомъ его, обѣщавъ мнѣ преемство по немъ (какъ будто оно зависѣло отъ воли его), и выразилъ желаніе Императрицы видѣть меня до отъѣзда Ея за границу.

Казалось: дѣло мое было улажено. Но злой духъ опять разстроилъ его. Поликарпъ устраненъ. А на мѣсто его избранъ не я. Стало быть, Министръ упоренъ въ своемъ мнѣніи о мнѣ, или, я не любимъ гдѣ нибудь выше. Но, Боже мой, за что? Если о мнѣ сказано, какъ о сладчайшемъ Иисусѣ, что я—ядца и винопійца и другъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, то я принимаю на себя это безславіе, какъ мутную волну принимаетъ скала, на которой растутъ благовонные кипарисы. Но ежели въ самомъ дѣлѣ считаютъ меня нетвердымъ въ православіи и неспособнымъ представлять нашу церковь на Востокѣ, потому что я не убѣжденъ-де въ правотѣ ея; то ошибаются жестоко. Я родился, выросъ, возмужалъ, состарѣлся, и умру подъ сѣнью алтаря Русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ родимою Цер-

ковью нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены болѣе, нежели въ комъ либо. Когда я говорю духовнымъ и мірянамъ о разностяхъ между нашею и Греческою церковію, тогда одни изъ нихъ молчатъ, не умѣя разсуждать объ этомъ предметѣ, а другіе *фактически* укоряютъ Грековъ въ отступленіи отъ Православія. Лишь я одинъ знаю примирительное начало, подѣ которое колы скоро подведутся эти разности, тотчасъ теряютъ свою силу, (объ этомъ началъ говорено вамъ выше); и несмотря на то, меня одного мучатъ, какъ нѣкоего невѣрнаго.—Ахъ! Зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани: а боевой корабль среди океана обуреваются грозными волнами... Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ: а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, разщепывается молніею. О, недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю и люблю.

Въ послѣдній разъ пишу къ вамъ, другъ мой, о тревогахъ моихъ, присовокуивъ и то, что даже и милостивое вниманіе ко мнѣ Великой Сестры милосердія поставлено мнѣ на видѣ однимъ архіепископомъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: *„не надѣйтесь на сильныхъ земли“*. Это замѣчаніе разстроило меня. Когда я выслушалъ его: у меня потемнѣло въ глазахъ. Вы постигнете это внезапное потрясеніе всего существа моего, зная мою *безкорыстнѣйшую* преданность Великой Княгинѣ, и Ея *христіанское* милосердіе, по которому она принимала меня подѣ кровь свой.

Повторяю, что въ послѣдній разъ вы слышите отъ меня тревожное слово. Оно не нравится мнѣ самому. Такое лицо, какъ я, должно быть эхомъ Бога, а не міра.

Въ слѣдующемъ письмѣ подѣлюсь съ вами воззрѣніями своими на современную идею перенесенія папскаго престола въ Іерусалимъ.

Простите и не забывайте душевно преданнаго вамъ

А. П.

20 Февраля 1858 г.

Другъ мой!

Бога ради не подумайте, что на душѣ моей тѣнью легла неустойчивость Маріи Фредериксъ въ своемъ словѣ. Я очень хорошо понимаю, что воля Ея подчинена волѣ такой Особы, которой самыя желанія должны быть предупреждаемы, и

извиняю ее вполнѣ. Даже мнѣ пріятно, что она встрѣчаетъ нечаянныя препятствія къ тому, чтобы видѣть человѣка, уважавшаго мать ея. Почему же пріятно?—потому что безъ этихъ препятствій я видѣлъ бы Васъ рѣдко. Неволя Маши—мое счастье! Она служитъ поводомъ къ частой и никѣмъ не стѣсняемой бесѣдѣ моей съ Вами, послѣ которой я бываю какъ-то спокойнѣе, почерпнувъ полное утѣшеніе въ томъ искреннемъ участіи, которое Вы принимаете во мнѣ, злополучномъ.

Вчера Вы вспомнили о Г-жѣ Ширманъ. Побывайте у ней. Она дорожить Вашими посѣщеніями. Это я знаю, и не скрываю отъ Васъ и того, что ей хочется имѣть портретъ Великой Сестры милосердія. Потѣшите ее этимъ подаркомъ.

Меня тревожитъ печальное воспоминаніе о давнемъ, весьма давнемъ *видѣніи*, которое начинаетъ сбываться. Въ 1829 г. (*da war ich ein freyes Wald-Vögelein*)¹⁾ мнѣ открыто было чрезъ сновидѣніе, что я долженъ погибнуть отъ нашего Царственнаго семейства. Какъ теперь помню: тогда пять звѣздъ ярко сіяли вокругъ головы моей; потомъ Александра отрѣзала ее серпомъ и трупъ мой столкнула съ моста въ Черную рѣчку, протекающую подлѣ Лавры. Ужасно! А сонъ въ руку!

Неумолимая судьба уже приблизила меня къ Великимъ. Александръ, Марія, Елена, Константинъ и Марія—вотъ пять яркихъ звѣздъ. А потомъ?

Потомъ я дико буду пѣть:

Meine Mutter kochte mich,
Mein Vater ass mich,
Meine Schwesterchen unter Tische lass
Und meine Knöchelchen all' all' autlas²⁾.

Изорвите это письмо. А на христіанскую твердость души моей надѣйтесь.

Душевно преданный
Вамъ А. П.

P. S. Маша Фредериксъ пусть ни слова не говоритъ о мнѣ Александрѣ. Я боюсь ее. Она столкнетъ меня въ Черную рѣчку; и на душѣ Вашей останется грѣхъ.

¹⁾ Тогда я былъ веселой птичкой лѣсной.

²⁾ Мать моя меня варила,
Мой отецъ меня ѣлъ,
Моя сестричка сидѣла подъ столомъ
И считала все все мои косточки.

Каря на Аѳонѣ.

18 Окт. 1858 г. ¹⁾.

.

 могу всматриваться въ этотъ просторъ, и не видя будущаго, даю другой оборотъ бесѣдѣ моей съ Вами.

По долгу дружбы увѣдомляю Васъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Пока мнѣ хорошо здѣсь. Здоровье мое надежно. Меня грѣютъ два солнца видимое и невидимое. Всѣ силы души моей настроены ладно. Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на Бога уповаю и молюсь Ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь усердно: изучаю рѣзбу, ваяніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ. Изъ нихъ узналъ я, что наука о церковномъ пѣніи у Грековъ основана была на Психологіи. Они угадали соотвѣтствіе тоновъ главнымъ способностямъ души, и сочиняли Херувимскія, Причастныя, Славы святымъ и напѣвы Псалтыри такъ, что одними тонами плѣняли вниманіе ума, другими возбуждали чувствительность и иными увлекали волю къ горнему, Божественному. Этимъ тремъ способностямъ, въ каждомъ пѣснопѣніи ихъ, соотвѣтствовали три строя, или три мотива съ искусными переходами отъ одного къ другому, дабы въ молящихся и слушающихъ пѣніе хора сохранялось гармоническое настроеніе всѣхъ силъ духа, и дабы они не выходили изъ церкви, напримѣръ, съ одною возбужденною чувственностью безъ увлеченія ума и воли. Мы забыли эту тайну музыки. А она извѣстна была нашимъ предкамъ. Исторія нашей церкви свидѣтельствуесть, что во время оное Греческіе пѣвцы изъ Цареграда принесли въ Россію *ангелоподобное трисоставное пѣніе*, т. е. состоявшее изъ трехъ интонацій, въ соотвѣтствіе тремъ главнымъ способностямъ души. Мнѣ кажется, что не очень трудно возобновить это пѣніе. Надобно только распознать: какіе звуки, въ связи съ извѣстными силами чаруютъ умъ, какіе усиливаютъ чувственность и какіе устремляютъ лѣнивую волю къ благодѣланію.—Изученіемъ теоріи Греческаго пѣнія я занимаюсь

¹⁾ Начало письма утрачено.

случайно, когда подъ руки попадаются пѣвческія книги. Постоянно же, прилежно и усердно сличаю нынѣшніе, печатные тексты Ветхаго и Новаго Завѣта съ древними рукописными. При сличеніи ихъ оказывается, что мы, православные, нынѣ читаемъ въ храмахъ Божіихъ тоже самое священное писаніе, какое читалось въ 10, 6, 4 вѣкѣ, и что ветхозавѣтный текстъ его, употребляемый въ Греческой и нашей Церкви, тщательно былъ пересмотрѣнъ и свѣренъ съ Еврейскимъ подлинникомъ въ концѣ третьяго вѣка христіанскаго св. Лукіаномъ, пресвитеромъ Антіохійской церкви, подвижникомъ и мученикомъ, и единодушно принятъ былъ всѣми христіанами въ царствованіе Константина Великаго. Лукіановъ текстъ я сличалъ съ Ватиканскимъ. Разница между ними велика. Напримѣръ: мы съ Лукіаномъ читаемъ въ книгѣ пророка Исаи (глава 9, ст. 6): „Отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ, его же начальство бысть на рамѣ его, и нарицается имя его, велика совѣта Ангель, Богъ крѣпкій, князь міра, Отецъ будущаго вѣка. Въ Ватиканскомъ же кодексѣ нѣтъ подчеркнутыхъ словъ;—нѣтъ этихъ брилліантовъ изъ Рая.—Надѣюсь, что вы примете и усвоите убѣжденіе мое въ неизмѣнности священнаго текста, употребляемаго Восточною Церковью, и заключаю свою бесѣду съ Вами сердечнымъ привѣтомъ:

Благословеніе Господне на Васъ!

Цвѣтите на радость мнѣ и многимъ.

А. Порфирій.

Р. С. Жива ли Анна Θεодоровна Тютчева? Богъ да укрѣпитъ ее! А Машѣ Фредериксъ скажите, что я вспоминаю ее, разсматривая святыя иконы, и жалѣю, что ей нельзя быть на Аѳонѣ, гдѣ она узнала бы, какъ надобно кистью изображать вѣчныя истины и красоты божественныя.

1858 г. 29 Декабрь.

Иверск. монаст. на Аѳонѣ.

Друже!

Ваше письмо, отъ 10 Ноября, получено мною 21 Декабря. Оно успокоило меня совершенно. Теперь я подобенъ пустынному цвѣтку, освѣженному медовою росой.

Вы увѣдомили меня, что В. К. продолжаетъ интересоваться моею судьбою. Спаси ее Богъ! А я когда разгараюсь въ часъ молитвенный, прошу Господа исцѣлить недугъ Ея и приба-

вить Ей вѣку, дабы она долго, долго, была утѣхою страждущихъ.

Собранныя Вами и переданныя мнѣ мысли разныхъ писателей—назидательны. Продолжайте дарить меня ими. Я люблю эти зарницы и молніи души. Но да будетъ Вамъ извѣстно, что я не былъ на Сіонѣ въ день Пятидесятницы, и не понимаю Англійскаго языка.

Вы говорите, что менѣе и менѣе вѣрите въ такъ называемое супружеское счастье, и что если бы оно пришло, *la surprise en ferait grande*. А я болѣе и болѣе предчувствую, что Вы скоро будете мать. Въ прошломъ мѣсяцѣ Іюль уже видѣнъ былъ мною во снѣ будущій сынокъ Вашъ. Вы держали его на одномъ колѣнѣ, сидя подъ развѣсистымъ деревомъ.

30 Декабря.

Помнится: я никогда не журилъ Васъ. Позвольте же мнѣ хоть теперь сурово посмотрѣть Вамъ въ лице и сказать вотъ что: когда солнце уходитъ свѣтить Антиподамъ, тогда намъ оставляетъ прощальные лучи свои, кои мы называемъ вечернею зарею. А Вы, мое солнышко, закатились, не зная куда, оставили меня въ потьмахъ; и я заблудился въ своихъ думахъ о Васъ, какъ въ дремучемъ лѣсу, и усталъ кричать, *siamo vivi, siamo morti*? Но наконецъ Вы откликнулись мнѣ. Спасибо.

Продолжайте и впередъ почаще бесѣдовать со мною письменно, подумавъ: авось, долетятъ до него мои птичьи-мысли.

Кстати скажу Вамъ, что значить, авось. Это таинственное словцо выражаетъ нашу надежду на провидѣніе Божіе, которое есть какъ бы ось этого чувства, непрерывно стремящаго насъ вдаль.

Богъ есть живая Ось, которая движетъ всѣхъ и все. А наше авось есть живое сознаніе этой Оси. Въ дальнѣйшемъ смыслѣ оно есть ось надежды.

31 Декабря.

Оканчивается послѣдній часъ прошедшаго года, моего и Вашего.

Я вижу Васъ, но молчу, и молча молюсь:

Боже! благослови ее! Она—Твой образъ и Твое подобіе.

А. П.

1859 г. 1 Января Цвирь.

Друже!

Въ первый день новаго года желаю Вамъ добраго здоровья и благополучія и дарю Вамъ два отрывка изъ двухъ бесѣдъ святѣйшаго патріарха Фотія, кои онъ говорилъ по случаю нашествія Россовъ въ Константинополь подъ предводительствомъ Олега. Это было во второй половинѣ 9 вѣка христіанскаго, почти за 1000 лѣтъ до нашего времени.

Начало первой бесѣды.

„Что сіе? Что за-язва столь ужасная? Что за-гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упалъ на насъ этотъ страшный и сѣверный перунъ? Какъ воспламенили мы эту зіяющую молнію? Откуда хлынуло это взволнованное, грозное море, не колосы пшеницы исторгающее, не лозы виноградныя искореняющее, а весь родъ нашъ губящее жалостно? За что излито на насъ столько бѣдствій? Ужели за грѣхи наши? Увы! За грѣхи поражаетъ насъ мечъ обоюдоострый... Мы многократно были избавляемы отъ бѣдъ, но не благодарили, были спасаемы, но паки нерадѣли, хранимы, но не любили Хранившаго, утѣшаемы, но не утѣшали скорбящихъ; были въ славѣ, и не почитали другихъ; были могущественны и многихъ обижали, презирали, а сами упитались, потолстѣли, разширились, и если, подобно древнему Іакову, *не отпустили отъ себя Бога*, то подобно возлюбленному Соломону преступили заповѣди Его. За это Богъ отверзъ свой тайникъ, и вынесъ сосуды гнѣва своего. За это съ сѣвера устремилъ народъ сей съ тѣмъ, чтобы дойти до второго Іерусалима (Цареграда). За это онъ подвигнуть съ конца земли, и несетъ съ собою стрѣлы и щиты. Онъ грозенъ, и не милуетъ. Гласъ его, какъ шумъ кипящаго моря. Мы услышали крикъ его; увидѣли грозный ликъ его; и—разслабѣли руки наши. Скорбь и болѣзни объяли насъ, какъ родильницу. — Не выходите за городъ, и не отправляйтесь въ путь. Тамъ вездѣ мечи!“

Во второй бесѣдѣ витія описываетъ Россовъ.

„Такимъ образомъ, мы сдѣлались игралищемъ варварскаго племени. Ибо гдѣ Божій гнѣвъ, тамъ и пожива; и кого кому Онъ предастъ, отъ того тому и добыча въ руки. Аще и Господь сохранить градъ, всеу труждаются стрегущіи. Народъ

неславный, народъ безчисленный, народъ состоящій изъ рабовъ (!!!), неизвѣстный и *принявшій названіе отъ нашей военной дружины*, не имѣвшій вѣса, и ставшій полновѣснымъ, нѣкогда уничиженный и бѣднѣйшій, а теперь превознесенный и богатый, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ обитавшій, варварскій, переходящій съ мѣста на мѣсто, *гордый оружіемъ*, никѣмъ незащищаемый, *никому неподсудимый*, безъ военной тактики, грозно, быстро, въ мгновеніе ока, словно морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши; и, о горе! нѣтъ отъ него пощады, ни человѣку, ни скоту, ни старцамъ, ни младенцамъ“ и проч.

По этимъ отрывкамъ судите о важности для насъ цѣлыхъ бесѣдъ патріарха Фотія, и о силѣ краснорѣчія его. Я напечатаю эти бесѣды съ русскимъ переводомъ. Появленіе ихъ въ свѣтъ предъ началомъ второго тысячелѣтія нашего Государства будетъ очень кстати. Но не удивительно ли то, что мы ихъ открыли такъ поздно? Наша Академія Наукъ искала ихъ въ библіотекѣ Мадридской, потому что они значились въ каталогѣ ея, но не нашла. Мнѣ суждено было найти ихъ поближе, на Аѳонѣ; и я въ восторгѣ отъ этой находки!

Брань первобытныхъ Еллиновъ съ Троянами воспѣта была дивнымъ пѣвцомъ—Омиромъ (Homère). Бранное движеніе первобытныхъ Россовъ къ Цареграду извитійствовано было просвѣщеннымъ проповѣдникомъ, Фотіемъ. Правду повѣдалъ лѣтописецъ нашъ, когда устами Гостомысла сказалъ, что земля наша обильна и богата, но порядка въ ней нѣтъ. То же сказалъ и Фотій. Правда и то, что Олегъ былъ у воротъ Константинополя; ибо дружины его видѣлъ Фотій, и говорилъ своимъ: не ходите за городъ: тамъ вездѣ мечи; тамъ стоятъ Россы; и они грозны! не милуютъ! Въ Цареградѣ первобытные предки наши получили *народное* названіе свое отъ тѣлохранительной дружины Греческихъ царей, прозываемой *Βαράγγοι—Рѡс*-Варяги-Россы. Тамъ крестилась ихъ Великая Княгиня, мудрая Ольга. Оттуда они заняли вѣру и вѣдѣніе. Тамъ начало ихъ славы. Не тамъ ли и верхъ могущества ихъ потомковъ, и исходная точка нашихъ будущихъ дѣяній всемірныхъ?

Не могу предсказывать будущее, и не довѣряю своей надеждѣ, какъ Моисей у купины не довѣрялъ своимъ силамъ.

Но если мы—перуны и молніи Вседержителя; то онъ еще разъ воспламенитъ насъ на берегахъ Босфора.

Россія—молніеносная туча! А я и Вы въ этой тучѣ—мы Божіи искры. Не погаснемъ же!

А. Порфирій.

P. S. А свѣтятъ ли ближайшіе къ намъ искры, Эдитта, Маша—Фр. и Анна Т.—Скажите имъ, что во мнѣ не погасли свѣтлыя воспоминанія о нихъ.

Солунь. 1859 г. 20 Марта.

Друже!

Вы говорите, что живете не для себя, и что Вамъ даже некогда лелѣять свои думы, и спознаться съ эгоизмомъ... Благодарите же Бога за то, что Онъ далъ Вамъ много дѣла, и тѣмъ отнялъ у Васъ возможность кружиться въ вихрѣ, который многихъ уноситъ въ пучину золь. Ваша неволя есть великая милость Божія. Безъ чужаго дѣла и безъ горняго приобученія къ самоотверженію вы бы могли сдѣлаться замѣчательною своевольницею. Богъ предвидѣлъ это, и любя въ Васъ свой образъ и своего Христа, съ которымъ Вы сочетались въ крещеніи, избралъ и посвятилъ Васъ на трудное служеніе многимъ ближнимъ вашимъ и самъ даетъ вамъ силы служить имъ до забвенія себя самой. Гдѣ же тутъ собственная заслуга? Нѣтъ ея, да и не надобно. Ибо мы тогда только бываемъ угодны Богу, когда Самъ Онъ дѣйствуетъ въ насъ и чрезъ насъ, и Самъ приноситъ насъ въ жертву ближнимъ. Заслугъ требуютъ люди, а Богу пріятны одни святые чувствованія наши, — служеніе и благоговѣніе предъ Нимъ, покорность волѣ Его, раскаяніе въ непослушаніи Ему и благодареніе Ему за все. Такъ я говорю, потомучто я не зараженъ ересью Пелагія, отрицавшаго Богоблагодатныя дѣйствія въ насъ и чрезъ насъ, и поставлявшаго спасеніе въ правильномъ употребленіи природныхъ силъ и въ самодѣльщинѣ, и потомучто самъ я—плѣнникъ Божій, слушаю, что Онъ говоритъ мнѣ, иду, куда Онъ ведетъ меня, служу, кому Онъ велитъ, дѣлаю, что Онъ предуказываетъ, а самъ только удивляюсь величію Его. славлю мудрость Его, боюсь осужденія Его, люблю благость Его и подчиняюсь дѣйствіямъ Его, за исключеніемъ тѣхъ, увы! нерѣдкихъ случаевъ, когда буйная волюшка, гордый разумъ и обманчивыя страсти, заключивъ союзъ между со-

Но если мы—перуны и молніи Вседержителя; то онъ еще разъ воспламенитъ насъ на берегахъ Босфора.

Россія—молніеносная туча! А я и Вы въ этой тучѣ—мы Божіи искры. Не погаснемъ же!

А. Порфирій.

P. S. А свѣтятъ ли ближайшіе къ намъ искры, Эдитта, Маша—Фр. и Анна Т.—Скажите имъ, что во мнѣ не погасли свѣтлыя воспоминанія о нихъ.

Солунь. 1859 г. 20 Марта.

Друже!

Вы говорите, что живете не для себя, и что Вамъ даже некогда лелѣять свои думы, и спознаться съ эгоизмомъ... Благодарите же Бога за то, что Онъ далъ Вамъ много дѣла, и тѣмъ отнялъ у Васъ возможность кружиться въ вихрѣ, который многихъ уноситъ въ пучину золь. Ваша неволя есть великая милость Божія. Безъ чужаго дѣла и безъ горняго пріобученія къ самоотверженію вы бы могли сдѣлаться замѣчательною своевольницею. Богъ предвидѣлъ это, и любя въ Васъ свой образъ и своего Христа, съ которымъ Вы сочтались въ крещеніи, избралъ и посвятилъ Васъ на трудное служеніе многимъ ближнимъ вашимъ и самъ даетъ вамъ силы служить имъ до забвенія себя самой. Гдѣ же тутъ собственная заслуга? Нѣтъ ея, да и не надобно. Ибо мы тогда только бываемъ угодны Богу, когда Самъ Онъ дѣйствуетъ въ насъ и чрезъ насъ, и Самъ приноситъ насъ въ жертву ближнимъ. Заслугъ требуютъ люди, а Богу пріятны одни святые чувствованія наши, — служеніе и благоговѣніе предъ Нимъ, покорность волѣ Его, раскаяніе въ непослушаніи Ему и благодареніе Ему за все. Такъ я говорю, потомучто я не зараженъ ересью Пелагія, отрицавшаго Богоблагодатныя дѣйствія въ насъ и чрезъ насъ, и поставлявшаго спасеніе въ правильномъ употребленіи природныхъ силъ и въ самодѣльщинѣ, и потомучто самъ я—плѣнникъ Божій, слушаю, что Онъ говоритъ мнѣ, иду, куда Онъ ведетъ меня, служу, кому Онъ велитъ, дѣлаю, что Онъ предудказываетъ, а самъ только удивляюсь величію Его. славлю мудрость Его, боюсь осужденія Его, люблю благодать Его и подчиняюсь дѣйствіямъ Его, за исключеніемъ тѣхъ, увь! нерѣдкихъ случаевъ, когда буйная волюшка, гордый разумъ и обманчивыя страсти, заключивъ союзъ между со-

бою, отвлекають меня отъ Бога, и смежно съ тѣмъ царствіемъ, которое находится внутри насъ, представляютъ мнѣ свой фантастическій рай и побуждаютъ воздѣлывать и хранить его; но и тогда я скоро примѣчаю прелесть и обманъ самолюбія, нечистоту и ничтожество всякой самодѣльности, имѣющей печать гордости, или клеймо тщеславія, и вижу выростаніе волчцовъ и терній тамъ, гдѣ, казалось, посажены были мною розы и лиліи; примѣчаю и вижу это, и снова прибѣгаю къ Богу и охочусь быть послушнымъ орудіемъ Его воли и Его дѣйствій, дозволяя себѣ только любить и благодарить Его.

Другъ мой! Останемся въ плѣну у Бога.

У него хорошо.

21 Марта.

О Шотландцѣ Юмѣ, который всѣхъ васъ сводить съ ума, я думаю вотъ что. Онъ—не посредникъ между мірами, видимымъ и невидимымъ, и не живетъ среди духовъ злыхъ или добрыхъ; нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ необыкновенный *выродокъ*, въ которомъ гораздо больше струй электромагнетизма, нежели сколько ихъ имѣетъ каждый правильно рожденный человѣкъ. Я не видалъ его, но угадываю, что у него нервы очень слабы отъ того, что истощены непрерывнымъ токомъ этихъ усиленныхъ струй. Слабость нервовъ и малая узловатость ихъ въ мозгу его — причиною тому, что онъ живетъ, какъ *двойникъ*, т. е. грезитъ, воображаетъ, обдумываетъ что-нибудь, и видитъ свои собственныя грезы и образы, подслушиваетъ свои думы и разговариваетъ самъ съ собою, а ему и глупенькимъ зѣвакамъ кажется, что съ нимъ говорятъ люди, или духи. Подобное раздвоеніе бываетъ въ горькихъ пѣяницахъ и въ глупыхъ монахахъ, которые истощаютъ себя неумѣренными бдѣніями и пощеніями. Сквозь слабые нервы Юма проторгается излишекъ Теллюрическаго тока электромагнитнаго, и сочетаваясь съ такимъ же токомъ въ тѣхъ любопытныхъ, которые видятъ въ немъ пророка, или потѣшника, производитъ сжатіе въ ихъ рукахъ, или щекотаніе, смотря по разности ихъ тѣлосложеній, и движетъ столъ. Ибо въ этомъ токѣ много силы. Онъ поднимаетъ насъ на вершины Олимпа, Синая, Аѳона. Когда пузырьчки его лопаются въ воздухѣ, тогда бываетъ громъ. Еслибы этотъ токъ въ Юмѣ былъ еще сильнѣе, то можно было бы видѣть

вылетающую изъ него молнію, и слышать трескъ въ гостининой, гдѣ собраны зѣваки. Юмъ—электромагнитная машина грѣшно-любопытныхъ душъ!!!

Что касается до отвѣтовъ на вопросы посредствомъ чтенія азбуки и складыванія тѣхъ буквъ, кои отстукиваетъ Юмовъ столъ; то и эти Шотландскія затѣи не продѣлка духовъ и не великая тайна. Вотъ ея изъясненіе!—Душа человѣческая, одаренная разумомъ, волею и могуществомъ, имѣетъ прозрачную оболочку, въ родѣ сіянія (aureole), сотворенную ея изъ *нетлѣнныхъ сущностей общей Жизни*, кои мы называемъ Эфиромъ, Электричествомъ, Магнетизмомъ, и посредствомъ этой *животрепещущей* въ нервахъ оболочки дѣйствуетъ на свое и на другія тѣла и души, и принимаетъ воздѣйствіе отъ нихъ. Чѣмъ болѣе она занята и напряжена любопытствомъ, гаданіемъ, вниманіемъ, созерцаніемъ, или страстностью; тѣмъ чувствительнѣе и воспріимчивѣе становится оболочка ея, и тѣмъ сильнѣе бываетъ воздѣйствіе ея на другія сущности. Въ такомъ состояніи души всѣ внезапно, напр. барабанный бой, похороны, вѣстникъ съ пучкомъ цвѣтовъ, производятъ въ оболочкѣ ея дрожаніе, а въ ней самой непріятное, или пріятное чувство; а безъ внезапностей сама душа, находясь въ томъ же состояніи, *уравновѣшиваетъ и успокаиваетъ* соприсносущую ея въ нервахъ оболочку, какъ орелъ—свои крылья, дабы сосредоточиться въ себѣ самой для лучшаго связнаго произведенія мыслей, или *колеблетъ и волнуетъ* ее, когда хочетъ, или вызывается воздѣйствовать на подобныя ей души, или на вещественныя тѣла. Поэтому любопытство ея изощряетъ взоръ, гнѣвъ напрягаетъ мышцы, гордость производитъ презрительную улыбку, любовь и страхъ разрѣшаютъ нѣмоту (я разумѣю нѣмого сына царя Креза, который началъ говорить, защищая жизнь своего отца); поэтому слово умное, красивое, мѣткое прекращаетъ мятежъ толпы, или устремляетъ полки на встрѣчу смерти и т. п. Такова сила души и животрепещущаго орудія ея! Послѣ сего вообразите сходку седми или восьми фрейлинъ, которыхъ души крѣпко заняты любопытствомъ, или вѣрнѣе, сердечными вопросами, а нервы напряжены и взволнованы токомъ *общезиженныхъ сущностей*; вообразите ихъ у Шотландскихъ ногъ Юма—этого электромагнитнаго автомата, который дѣйствительно никого не обманываетъ, будучи невольнымъ

протокомъ этихъ же самыхъ сущностей; представьте себѣ сочетаніе столькихъ струй эфирно-магнитныхъ, произведенное силою столькихъ воли; припомните, что земля вмѣстѣ съ солнцемъ теперь проходитъ такія пространства неба, въ которыхъ она прежде не была, и слѣдовательно Теллюрическая сила ея дѣйствуетъ въ насъ не такъ какъ, въ предкахъ нашихъ, утончая наши тѣла и приготавливая ихъ къ одухотворенію: наконецъ сознайте, что всѣ мы задаемъ себѣ вопросы о такихъ предметахъ, которые не выходятъ изъ круга нашего мышленія и вѣдѣнія, и что почти въ каждомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ его; вообразите, представьте, припомните и сознайте все это:—и вы поймете воздѣйствіе Юма на фрейлинъ и диковинную игру его съ ними въ вопросы и отвѣты подѣ стукъ деревяннаго стола. Кто щекочетъ ихъ? Лѣшій? да онъ живетъ въ лѣсу, а не въ столицѣ. Кто пожимаетъ ихъ нѣжныя ручки? Ангелъ Хранитель? Архангелъ Михаилъ? Да этого не скажетъ и бессмысленный столъ Юма, и если бы сказалъ, то не повѣрятъ фрейлины; зная, что ангелы посылаются на служеніе *хотящимъ наследовать спасеніе*, а не усадьбу дѣда, или тетки, о смерти которыхъ спрашивается дерево. Ихъ щекочетъ и пожимаетъ вліяніе Юмова электромагнетизма, подобно тому какъ извѣстныя состоянія атмосферы повышаютъ, или понижаютъ ртуть, ослабляютъ или подкрѣпляютъ слабонервныхъ. Но почему воздѣйствія этого Шотландца такъ разны? потому что у фрейлинъ неодинаковы нервы и не одинаковъ токъ въ нихъ животрепещущихъ сущностей. А какія и чьи силы колеблютъ столъ? силы воли и магнитныхъ токовъ Юма и совопросницъ. Отъ чего же столъ стучитъ при произношеніи именно тѣхъ буквъ, изъ которыхъ слагается отвѣтъ на вопросъ? Вотъ отъ чего? Та душа, которая задаетъ себѣ вопросъ, *сими себѣ тайкомъ и отвѣчаетъ*, вѣрно, или гадательно, и *напередъ зная отвѣтъ*, сама тайкомъ волнуется при произношеніи нужныхъ ей буквъ, и силою смысленной воли и токомъ своего магнетизма невидимо колеблетъ намагнитизированный сообща столъ, колеблетъ непременно въ минуты произношенія этихъ буквъ. Но правда ли то, что кто спрашиваетъ Юмовъ столъ, тотъ самъ себѣ и отвѣчаетъ вѣрно, или гадательно? Таковую правду я дозналъ собственнымъ опытомъ. Однажды въ Іерусалимѣ (передъ отъѣздомъ въ Россію) захотѣлось мнѣ уяснить себѣ

тайну движенія столовъ и отвѣтовъ ихъ. Я позвалъ въ горницу студентовъ и домочадцевъ своихъ, и велѣлъ имъ положить руки на круглый столъ, какъ слѣдовало, а самъ сталъ поодаль отъ нихъ, и устремилъ все вниманіе свое на этотъ столъ. Нашъ общій Электромагнетизмъ проникъ и пропиталъ его. Столъ тронулся, началъ вертѣться и вертѣтъ молодцевъ моихъ. Тогда мнѣ стало страшно. Однако я не оробѣлъ и сурово сказалъ столу: стой и скажи, — сколько мнѣ лѣтъ отъ роду? Столъ остановился подъ руками молодцевъ, приподнялъ ножку и мѣрно отстукалъ 49 разъ. Точно мнѣ тогда было 49 лѣтъ. Я тотчасъ понялъ, что душа моя, *узнавшая лѣта моей жизни*, силою своей воли взволновала и какъ бы *осмыслила соприсущій ей магнетическій токъ*, и этимъ токомъ приподняла ножку стола 49 разъ. И такъ на дѣлѣ оказалось, что я самъ себя спросилъ, самъ себѣ и отвѣтилъ, только необыкновенно новымъ способомъ, посредствомъ пропитаннаго магнетизмомъ дерева. Послѣ этого вопроса былъ предложенъ мною другой: возвращусь ли я въ Иерусалимъ, и — послѣ сколькихъ лѣтъ? Столъ отстукалъ три раза, потому что самъ я сильно желалъ возвратиться въ св. градъ и предполагалъ, что война и путешествія мои въ Россію, и обратно, продолжатся не долге. Однако въ послѣдствіи оказалось, что отвѣтъ стола былъ невѣренъ, потому что *было невѣрно предположеніе души моей*. Вотъ что я дѣлалъ и испытывалъ! А что было со мною, то дѣлается и съ другими. Всѣ души, у Юмова стола, отвѣчаютъ сами себѣ, и убѣждаютъ, или обольщаютъ сами себя. Никакихъ посредниковъ между ними нѣтъ. Хотите ли повѣрить это? Пусть ктонибудь въ присутствіи Юма предложитъ слѣдующій вопросъ: какъ зовутъ игумновъ Метеорскихъ монастырей? Будьте увѣрены, что послѣ этого вопроса столъ его станетъ въ туникъ, хотя бы сто разъ прочитали азбуку, или напишетъ ложные отвѣты, потому что никто не знаетъ про эти монастыри, и не вѣдаетъ именъ настоятелей ихъ, не вѣдаю и я ѣдущій туда. — Ничья душа не можетъ дѣльно отвѣчать на то, чего не знаетъ и о чемъ не думаетъ и не гадаетъ. Никакой Юмъ не скажетъ вѣрно: сколько овецъ и козъ родилось нонче въ Синайской долинѣ Ель-Лябузъ; кто нынче старостою въ Виелеемѣ Іудейскомъ; что происходитъ на южномъ полюсѣ въ тѣ часы, когда на нашемъ бываетъ сѣверное сіяніе, какой

Евагріій писалъ ту фізику, которую я читалъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и пр. пр. А если кто съ помощью стола станетъ отвѣчать на такіе вопросы; то отвѣты его будутъ невѣрны, ложны, въ родѣ тѣхъ сновъ, которые душа порождаетъ въ насмѣшку надъ своими же мечтами, или страстишками. Наоборотъ, дадутся вѣрныя, или хотя приближительныя къ истинѣ отвѣты на такіе напр. вопросы: выздоровѣетъ ли Эдитта? Выйдетъ ли замужъ Сталь, и когда именно? Смѣнятъ ли госпожу Бакунину? Любитъ ли меня такой то графъ? Прилично ли царю устроить кузницу подлѣ тронной залы? Пристойно ли Великой Княгинѣ напускать въ свой дворецъ башмачницъ, пряхъ и швей? Не заразятся ли отъ нихъ часоткою чистенькія фрейлины? На такіе и подобныя вопросы душа съумѣетъ кое какъ отвѣчать, *осмысливъ свой магнитный токъ*. Когда возразятъ Вамъ, что столъ Юма лишетъ такія слова, коихъ не знала совопросница: отвѣтайте, что эти слова были извѣстны ей изъ книгъ, или изъ разговоровъ, но давно забыты, а теперь воскрешены памятью, которая на страшномъ судѣ дастъ отчетъ за всякое праздное слово.

Итакъ не совѣтую Вамъ ѣздить туда, гдѣ бываетъ Юмъ. Лучше пусть пожметъ Вамъ руку Маша, которая въ извѣстномъ Вамъ сновидѣніи моемъ дала *мнѣ* почувствовать, что я гнѣивъ молиться. Лучше, пусть пощекочетъ Васъ горничная гѣвушка, или женихъ предъ свадьбою. А самой спрашивать Юмовъ столъ кое о чемъ полуизвѣстномъ, или сердечномъ, и самой же отвѣчать съ помощью своей же магнитной сущности, значило бы дурачить себя самую и ловить свои грезы и думы, добро бы въ своемъ теремѣ, а то подъ столомъ нездорового Шотландца. И что за охота заражаться болѣзнию его, т. е. насильственнымъ раздвоеніемъ души? Не для заразы этой, и не для любопытства надлежало бы Вамъ призывать Юма въ чертоги, а для того, чтобы уврачевать его. Но кто изъ васъ силенъ подать ему здравіе? Не теряйте же времени, ловя грезы, или думы свои подъ столомъ Юма: а лучше употребите его, усѣвшись за письменный столъ свой и отвѣтивъ мнѣ на это посланіе.

22 Марта.

Пройдутъ еще девять дней; и я отправлюсь изъ Солуня въ Метеорскіе монастыри. Говорятъ, что они построены на

столпообразныхъ утесахъ, отдѣльно высящихся среди поля, и что туда всѣхъ поднимаютъ въ сѣтяхъ. Полечу туда орлинымъ полетомъ. Любопытно и пріятно увидѣть новое небо, новыя горы и доли и эти диковинныя обитатели. Смертельно хочется, хоть нѣсколько разъ въ жизни, подобно птичкѣ трепетать въ сѣткѣ, которую будутъ втаскивать на высоты, измѣряемыя 30 и 40 саженьми, и въ то же время молиться Святому Крѣпкому.

Прощай моя родная! Прощай лилія! Прощай мой другъ! Въ дни Пасхи я буду молиться о тебѣ и Машѣ, о Еленѣ и Екатеринѣ, о Константинѣ и Маріи на высотахъ Межегорскихъ, гдѣ еще никогда не были возносимы въ молитвахъ эти приснопамятныя мнѣ имена.

Послѣ богомолья въ Метеорахъ я заѣду въ Олимпійскій монастырь. Если обстоятельства позволятъ мнѣ видѣть древнюю обитель, полюбоваться красотами Темпейской долины, и взойти на вершину Ѡссалійскаго Олимпа, гдѣ уже не дуютъ вѣтры и не сглаживаютъ завѣтныхъ словъ, кои благочестивый и отважный путникъ чертитъ тамъ на жертвенномъ пеплѣ.

А. Порфиріѣ.

P. S. Mais Nature noble, et genereuse travaille beaucoup pour l'Etat et peu pour l'Église. S'est son défant. La plus grande partie des nos paysans affranchis s'uniront avec nos schismatiques si nos dieux couronnés et mitrés ne les retiennent pas dans le giron de notre Église, en organisant les missions intérieures et en établissant des évêches dans les lieux districts (въ уѣздн. городахъ). Un danger grand menace notre Église. Elle sera bien tôt divisée en deux camps, si l'on continue de toulер aux pieds beaucoup de canons des Conciles oecuméniques, dont la sainteté est trop vénérée de notre peuple pieux et cetera... 1).

1) P. S. Но природа великородная и благодушная работаетъ много для государства и мало для Церкви. Это ея недостатокъ. Самая большая часть нашихъ освобожденныхъ крестьянъ соединится съ нашими схизматиками, если наши боги, украшенные вѣнцами и митрами, не удержатъ ихъ въ лонѣ нашей Церкви, организуя внутреннія миссіи и учреждая епископства въ уѣздныхъ городахъ. Великая опасность угрожаетъ нашей Церкви. Она скоро раздѣлится на два лагеря, если будутъ поирать многіе каноны вселенскихъ соборовъ, святость которыхъ слишкомъ почитается нашимъ благочестивымъ народомъ и пр.

1859 г. 28 октября. Русскѣ.

Другъ мой!

Я виноватъ предъ Вами въ томъ, что очень долго томилъ Васъ ожиданіемъ писемъ моихъ съ Востока. Простите меня великодушно. Не строгость отшельничества на Аѳонѣ, гдѣ не забываются ни родные, ни дружескіе цвѣты, не напряженность занятій, отъ которыхъ всегда можно удѣлить часокъ на задушевную бесѣду съ другомъ, не какое нибудь охлажденіе въ душѣ, порождаемое временемъ, были причиною долговременнаго молчанія моего. Нѣтъ! Я не говорилъ съ вами, потому что сильно страдалъ душою подъ тяжкимъ гнетомъ злой судьбы, съ которою, какъ мнѣ думалось, всѣ въ заговорѣ противъ меня, и потому что одичалъ, поддавшись искушенію кручины, которая въ памяти моей то заслоняла Васъ, какъ туча, то выставляла съ отразившеюся на душѣ Вашей тѣнью туманныхъ мнѣній о мнѣ тѣхъ не очень праведныхъ душъ, кои не любятъ меня. Одичаніе есть большой грѣхъ. Каюсь въ немъ. Примите раскаяніе мое и выслушайте слово о неповинныхъ страданіяхъ моихъ здѣсь. Отъ того мнѣ будетъ легче.

На Востокъ мнѣ задано дѣло многосложное и важное. Я исполняю его съ жаромъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, неумоимо, напряженно, разумно, одолевая страхи отъ землетрясеній, кои уже 17 разъ колебали Аѳонъ въ бытность мою здѣсь. Всѣ здѣшніе старцы удивлены моимъ терпѣніемъ и силою Божіею, которая совершается въ моей немощи. А у Васъ, въ Петербургѣ, чѣмъ оплачиваютъ мнѣ за вѣрную и усердную службу мою. Слушайте, чѣмъ.

Предъ отъѣздомъ на Востокъ мнѣ, *безъ просьбы моей*, пожаловали 1500 р. на издержки туда и обратно въ теченіи одного года, а посланному со мной семинаристу дали 750 руб. Оба мы были довольны этою милостью. Но за границею скоро оказалось, что намъ не достанетъ этихъ денегъ на годъ по причинѣ дороговизны во всемъ. Тогда я для своего товарища попросилъ золота на обратный путь его въ Россію. Ему вновь дали малую толику, а мнѣ не прислали ни копѣйки, между тѣмъ какъ онъ издержалъ сотни, а я тысячи (свои). Не обидно ли это? Правда я не просилъ себѣ пособія, но *и безъ просьбы моей* надлежало дать его по дѣловому такту, по простому силлогизму: „вѣдь, что дорого для семи-

нариста, то не дешево для архимандрита“. Гдѣ же Логика? И не тяжело ли зависѣть отъ людей, которые священствуютъ безъ философіи, съ однимъ Оберъ-Прокуроромъ?

Властямъ угодно было отстрочить пребываніе мое съ семинаристомъ за границу на пять мѣсяцевъ. И вотъ, на это время ему зачислили и прислали ту малую толику, о которой сказалъ я выше: а мнѣ не пожаловали ни полушки, какъ будто я питаюсь воздухомъ и путешествую на лучахъ солнца. Не обидно ли это?

Въ послѣдствіи оказалось, что въ Петербургѣ безъ спроса приписали меня къ фотографической фабрикѣ Г. Севастьянова съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ изъ данныхъ ему 16000 р. *удѣлилъ* (слушайте оффиціальное выраженіе) *удѣлилъ* мнѣ 1000 руб. За такіе труды, какихъ не кончить и въ три года, и вотъ такъ обезпечили—было мое содержаніе на время пятимѣсячной отстрочки и отдаленной поѣздки моей до С.-Петербурга. Но я не принялъ этой чернорабочей платы, чувствуя, что мнѣ неприлично быть наемнымъ батракомъ у превосходительнаго, но непревосходнаго художника, и предвидя, что онъ обвинить меня въ безуспѣшности, или бесполезности своего предпріятія. Такой отказъ мой, вѣроятно, не понравился властямъ. Однако я добросовѣстно исполнялъ данное имъ, еще предъ выѣздомъ за границу, обѣщаніе безмездно помогать Севастьянову своими совѣтами и познаніями, и охотно передаю ему все, что только узнаю здѣсь по части древностей. Итакъ совѣсть моя чиста. Но я голоденъ и холоденъ.

Изъ Петербурга за Севастьянова замолвили доброе слово священной Общинѣ, управляющей Аѳонскими монастырями, а о мнѣ и не упомянули. Не обидно ли это? Я просилъ кого надобно, исходатайствовать мнѣ *поручительное* письмо царградскаго Патріарха къ помянутой Общинѣ. Но, какъ на смѣхъ, онъ прислалъ сюда письмо *угостительное*, прося святогорцевъ подчивать меня, какъ почетнаго поклонника. А это ли мнѣ нужно? Однако и безъ помощи Князей, на которыхъ Богъ не велѣлъ надѣяться, я достигаю здѣсь своихъ цѣлей, потому что мой Ангель Хранитель прежде меня является въ каждый монастырь и говоритъ о мнѣ доброе слово душамъ преподобнымъ.

Я просилъ, кого надобно, исходатайствовать мнѣ Всемило-

стивѣйшее дозволеніе ввести въ Одессу мою бібліотеку, которою наша первая миссія въ Іерусалимѣ пользовалась въ теченіи шести лѣтъ, ввести мимо тамошняго цензурнаго Комитета. А мнѣ отвѣтили, что Министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможности допустить выдачу книгъ и даже рукописей моихъ безъ цензурнаго досмотра. Да кто же я? Герценъ? Штраусъ? Вольтеръ? Индѣйскій Парія? Помилуйте, — я человѣкъ Божій и народный, я вѣрный сынъ Православной Церкви и вѣрный подданный Государя, помогавшій помянутой миссіи собственною бібліотекою.

Я прошу, кого надобно, выслать мнѣ мое законное жалованіе и пенсію, но и того не могу дожидаться, какъ будто, кому то хочется, чтобы я застоналъ въ слухъ всего православнаго міра на Востокѣ. Но что будетъ, когда стонъ мой измѣнится тамъ въ рыканіе льва?

Я напоминаю, кому надобно, что свыше повелѣно дать мнѣ должность и что я не знаю, гдѣ преклонить главу свою, тогда какъ всѣ черви въ Россіи имѣютъ свои норки. А мнѣ отвѣчаютъ похвалами моимъ дарованіямъ и познаніямъ, какъ будто изъ нихъ я могу сшить палатку для кочеванія у воротъ Лавры, или Синода, и вдобавокъ говорятъ, что судьба моя требуетъ особыхъ соображеній. Вотъ до чего я дожилъ послѣ 30-лѣтней усердной и вѣрной службы Церкви!—до того, что о мнѣ начинаютъ думать! Посмотримъ, что придумаютъ.....

А сновидѣнія мои зловѣщи. Предчувствія тревожны. Искуситель подстрекаетъ меня къ *громогласному* мщенію.....

Отче нашъ! Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

А. П.

1859 г. 30 окт. Руссикъ.

Другъ мой!

До настоящаго дня погода на святой горѣ была прекрасная, майская, розы цвѣли, яблони дали второй плодъ, разумѣется, тощій; море было такъ неподвижно и такъ прозрачно, что казалось зеркаломъ, въ которомъ отражались кудри деревъ, ребра скалъ и радужныя мерцанія вечерняго свѣта.

А теперь небо покрыто сѣрыми тучами; крупный дождь льется будто изъ ведра; порывистый вѣтеръ потрясаетъ мою полувисячую келію. Бѣлые зайчики бѣгаютъ по морю. Часы

отзваниваютъ полдень. Я пересматриваю Ваши письма. Нѣтъ одного изъ нихъ подъ № 4. Гдѣ оно? Кто смѣлъ затануть его? Какой дурень потерялъ его? Что въ немъ было сказано душѣ моей?

А письма подъ № 5 и 6 доставлены мнѣ. Что Вамъ за охота писать на бумагѣ желтой? Я и безъ этого цвѣтнаго знака вѣрю въ постоянство Вашей дружбы. Но о вкусахъ спорить не должно. Лучше отвѣчать на письма.

Васъ и Вашихъ друзей очаровали отрывки изъ бесѣдъ патріарха Фотія. Это неудивительно. А вотъ что дивно! Я послалъ эти же отрывки къ граф. Тол... и просилъ его передать въ нашу Академію наукъ, въ полной надеждѣ, что она напечатаетъ ихъ. Но не тутъ-то было. Чтожъ бы это значило? Ужели въ столицѣ испугались славы своихъ предковъ? Но, кажется, мы не плѣнники Наполеона, и не пажи Викторіи. Знать мнѣ во всемъ неудача! Мнѣ! О, если бы пріятель Грима Саксонскій профессоръ Тишендорфъ отыскалъ намъ два перла Фотія; то во все трубы Карла Великаго, Витекинда и Бирона протрубили бы: *Gloria in excelsis Tischendorffio!* Слава въ вышнихъ Тишендорфу! А о моей удачѣ пошептали лишь одни ландыши, фіалки, розы и лиліи подъ крылышками Ангела милосердія. Но и то хорошо.

Отъ кн. Одоев. я не получалъ не строки. Трудно ему понять теорію Греч. пѣнія безъ руководителей, рисунковъ и нотъ. Напр: что онъ могъ бы представить въ умѣ своемъ, когда бы услышалъ, что строй Греч. нотъ иногда походить на поворотъ колеса? Спросите его, что такое Греческія пнѣвмы, фтора, плаіосъ, трохосъ, тереремъ, ненненà. Вѣроятно онъ замолчитъ. А тутъ кроются тайна и сладость Греческаго церковнаго пѣнія. Богъ дастъ увидимся въ Рамбовѣ, либо въ хмелевой бесѣдкѣ, либо на островкѣ Буянѣ, только не на океанѣ, и тогда потолкуемъ о философіи въ звукахъ, развѣ суровый дѣдушка опять запретитъ мнѣ бывать тамъ у Ангела милосердія.

Всѣхъ васъ занимала выставка г. Севастьянова. Но скажите, что вы видѣли? Огрызки древностей? безцвѣтные очерки образовъ? Коихъ годы и вѣка неизвѣстны? Славный же у Васъ вкусъ! Но о вкусахъ спорить не должно. На картинахъ всякому свое нравится, кому коза съ медвѣдемъ, кому Рафаелева мадонна, а иному фотографическій оттискъ

безобразнѣйшаго Молдавскаго переплета Евангелія Іоанна Кущинка. Вотъ теперь ожидайте отъ Севаст. чудныхъ произведеній его фабрики; только меня не зовите на судъ. Я предпочелъ бы молиться,—*Господи не введи въ судъ съ рабомъ Твоимъ*—и кому-нибудь другому предоставилъ бы притворными похвалами заглушать чье либо раскаяніе въ маловажности трудовъ, за кои впередъ дана большая сумма денегъ.

Г. Мансурову мое почтеніе, даромъ что онъ не отвѣчаетъ мнѣ ни на одно письмо. Не понимаю, въ чемъ я провинился предъ нимъ. Ужели въ томъ, что защищаю пустынную безмятежность святогорцевъ отъ шумныхъ паровъ, и указываю якорныя стоянки для нашихъ пароходовъ въ отдаленныхъ, но удобныхъ пристаняхъ, у острова Мульяни и подлѣ Плати-Франколимѣна? Ужели въ томъ, что не желаю обратить Русикъ въ складочную клѣт и въ даровую харчевню? Ужели въ томъ, что отъ неблазненнаго Аѳона отклоняю дерзкихъ русалокъ, прибывающихъ сюда на парахъ? Вольно же ему придавать вѣсь мнѣніямъ моимъ, или воображать, что вооружаю святогорцевъ противъ нашего пароходнаго общества. тогда какъ они и не спрашиваютъ меня о намѣреніяхъ его, видя во мнѣ не коммерціи совѣтника, а ученаго архимандрита. Богъ съ нимъ!

Поговоривъ съ Мансуровымъ, Вы совѣтуете мнѣ быть осторожнымъ и снисходительнымъ къ требованіямъ... Ахъ! и Вы противъ меня!—не зная, что я даромъ отдаю всего себя и все свое Тому, о Которомъ сказано мнѣ, будто онъ желаетъ поставить свѣтильникъ мой въ Севастополѣ. Не умѣю быть болѣе снисходительнымъ къ требованіямъ... и отталкивающимъ меня отъ священнослуженія въ Россіи говорю: „поставьте меня въ келіѣ моей и не ходите ко мнѣ, пока у меня гоститъ самъ Богъ“. Эти прикровенныя рѣчи мои, можетъ быть, непонятны Вамъ. Итакъ когда увидимся, тогда разгадаемъ загадки, а пока будемъ вѣрить въ правоту душъ, страдающихъ неповинно.

Книга, *le Raskol. Paris 1859* не доходила до меня. Вы знаете недостатки ея. А я, не читавъ ее, полагаю, что въ ней столько же вѣсу, сколько и въ книгахъ Муравьева, митрополита Григорія, Епископа Макарія и архимандрита Іоанна о расколѣ, и скажу Вамъ на отрѣзъ, что сущую правду о раздвоеніи

нашей Церкви и о виновникахъ сего зла можно узнать только отъ такого человѣка, у котораго много очей, видящихъ глубокія тайны, который говоритъ и пишетъ, не имѣя въ виду ни чина, ни ордена, ни награды, ни славы, и который *беретъ подъ свою защиту невинно гонимыхъ*, выпуская своихъ ястребовъ и соколовъ, т. е. улики, упреки и пропію на честолюбивыхъ полуневѣждъ и преосвященныхъ..... не умѣющихъ срастить расколовшееся величественное дерево. Кто этотъ человѣкъ, и гдѣ онъ? Призовите его и послушайте правдивое, но грозное слово его. Онъ живъ, но далеко негдѣ ищетъ многоцѣнныхъ жемчужинъ, терпя голодъ и холодъ, не зная привѣта сильныхъ земли и никогда не испытавъ, какъ они дружески жмутъ кому руки.

Думаю, что это письмо мое не очень утомило Ваше вниманіе. Но самъ-то я утомился. Бросаю перо, начертавъ свой обычный привѣтъ Вамъ.

Цвѣтите на радость многимъ.

Благословеніе Господне на Васъ!

А. П.

P. S. Въ прошломъ мѣсяцѣ Іюль я видѣлъ Васъ въ черномъ одѣяніи. Чтобы это значило?

Живы ли и здоровы ли Панна Анна и наша Маша?

Порфирий (Успенский), еп. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Петровне Витгенштейн, урожденной Эйлер: (1855–1866 гг.) / Примеч. Н. (Г.) В(ысоц)кого // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 4. С. 691–699 (3-я пагин.). (Окончание.)

Письма Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) къ Свѣтлѣйшей княгинѣ Елизаветѣ Павловнѣ Витгенштейнѣ, урожденной Эйлерѣ.

Иерусалимъ 1860 г. 7 апрѣля.

Другъ мой!

За два дня до полученія Вашего письма, отъ 3 февраля, мнѣ снилось, будто мнѣ подали запачканный пакетъ изъ Сената. Я не хотѣлъ распечатать его и положить на столъ. Это сновидѣніе оправдалось. Вы въ своемъ письмѣ прислали мнѣ листокъ изъ смежнаго съ Сенатомъ желтаго зданія. Этотъ приказный, подъяческій листокъ испачкалъ Ваше письмо и произвелъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Охота Вамъ связываться съ сіятельными чиновниками. Они учтивы съ Вами, но меня едва ли простятъ за то, что мои вопли раздались въ великокняжескихъ чертогахъ. Ваша большая доброта причинила мнѣ маленькое зло. Но я прощаю Васъ. Будьте спокойны, только впередъ не показывайте моихъ писемъ ни фарисеямъ, ни книжникамъ. Вамъ-ли помочь мнѣ своимъ ходатайствомъ предъ ними, когда мнѣ суждено служить ближнимъ моими страданіями? Пусть ни Васъ, ни меня, не огорчаютъ вотъ такія слова ихъ: *bureaucratie est une grande puissance en Russie, et il n'est pas facile de satisfaire tous les désirs de pauvre Archimandrite* ¹⁾.

Наше чиновничество, какъ баба-яга, костяная нога, въ ступѣ сидитъ, пестомъ погоняетъ, метлой заметаеть. Скажите-ка Вы этой бабѣ-ягѣ, что на пути Вашего друга набросано слишкомъ много терній: она въ угодность Вамъ мет-

1) Бюрократія—великая сила въ Россіи и не легко удовлетворять всѣ желанія бѣднаго архимандрита.

лою своею подмететь частицу дороги, а его самого пестомъ погонить да—такъ далеко, что Вы и не отыщете его.

Перемѣняю рѣчь свою... Ваши сердобольныя старанія о призрѣніи и успокоеніи бѣдныхъ страдальцевъ еще болѣе возвысили Васъ въ моемъ мнѣніи. Теперь Вы—живой стихъ Евангелія, гласящій: блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ. Да поможетъ Вамъ Богъ продолжать съ успѣхомъ начатое Вами дѣло милосердія, и да сподобитъ меня видѣть Вашу Визезду и говорить собраннымъ въ ней убогимъ слово утѣшенія и спасенія.

Перемѣняю рѣчь свою, понижая тонъ и усмѣхаясь, не лукаво, а дружески. Вамъ пришла охота надѣть на свою голову колпакъ ученаго экономиста. Носите его на здоровье. Вамъ, красоткамъ, все къ лицу. Но позвольте узнать основы и выводы той политической экономіи, которая преподается Вамъ. Къ которому изъ двухъ нижеслѣдующихъ разрядовъ принадлежать они?

Основы и выводы

Западно - Европ. Политическ.
Экономіи.

1) Признаніе права на одну работу, производящее бобылей (пролетаріевъ).

2) Qui a du plomb, a du pain.

3) *Личное* неограниченное владѣніе землею, по праву наслѣдства и купли.

4) Управа помѣщиковъ и чиновниковъ.

5) Признаніе необходимости разгульной жизни въ міру, и даже дѣтубійства въ зародышахъ для уравненія народонаселенія съ количествомъ народной земли.

Основы и выводы

Восточно - Русской мужицкой
Экономіи.

1) Признаніе права каждаго на землю, производящее хозяевъ.

2) У кого есть хлѣбъ, тому не нужны пули.

3) *Общинное* владѣніе землею, по праву рожденія на ней, и обработыванія ея по распредѣленіямъ общины, безъ права наслѣдованія обрабатываемыхъ участковъ.

4) Мірская сходка для управленія общими дѣлами общинъ.

5) Признаніе необходимости святой жизни въ монастыряхъ... и призыванія Божія благословенія на чадорожденіе для наполненія народомъ малолюдной Россіи.

6) Учрежденіе городскихъ банковъ.		6) Учрежденіе сельскихъ банковъ.
и пр. и пр.		и пр. и пр.

Теперь Вы спросите меня: какихъ экономическихъ началъ держитесь Вы сами? Другъ мой! Экономическая наука моя— вотъ какая!

„Святая душа — экономка во всемъ. Она хранитъ свою вѣру, надежду, любовь и благодать Господню; умножаетъ ввѣренныя ей Богомъ таланты, сберегаетъ время для молитвы, благодѣланія и духовныхъ наслажденій; ко всѣмъ добрымъ дѣламъ присоединяетъ смиреніе, какъ ноль къ единицамъ: бережетъ копѣчку на черный день и на нужды ближнихъ; скупится питать и лелѣять свои страсти; не расточаетъ притворныхъ похвалъ; не утрачиваетъ искренней дружбы; платитъ за любовь любовью и за довѣріе довѣріемъ; покрываетъ любовью множество чужихъ грѣховъ, дабы самою получить отъ Бога оставленіе своихъ долговъ“.

„Святая душа — экономка во всемъ. Она не черезчуръ снисходительна и не очень строга, не слишкомъ ласкова, и не на долго грозна, воздаетъ каждому свое, а превосходство своей личности прикрываетъ смиреніемъ для пощады строгаго самолюбія“.....

Я продолжилъ бы уроки святой моей экономіи, да гости мѣшаютъ мнѣ говорить Вашему сѣрдцу. Что дѣлать? Замолчимъ.

Пока прощайте, и на здоровье носите колпакъ Адама Шмита, или Роберта Пиля и Гускансона, или Каррея, либо Бланки. А придетъ время, когда захочете узнать и мою святую экономію, за изученіе которой дается въ награду лучезарное сіяніе святой праведной Елисаветы.

А. Порфирій.

Одесса. 1860 г. 23 августа.

Друже!

Жизнь моя походитъ на ткань. А Вы на ней — самый лучший узоръ.

Иногда среди занятій я забываю Васъ, но за то въ часы досуга живѣе вспоминаю и небесное родство души Вашей съ моею, и постоянство Вашей дружбы, которая есть не что иное, какъ самая лучшая и самая чистая половина любви, и то чудное Сіонское видѣніе, въ которомъ Вы предуказаны

были мнѣ еще тогда, когда я не зналъ Васъ. Живость этихъ воспоминаній усилена послѣднимъ подаркомъ Вашимъ. Какой дорогой подарокъ! Вы прислали мнѣ вѣрное, истое, изящное подобіе Вашей особы. Спасибо. Я полюбовался имъ, принялъ къ сердцу Вашу довѣренность ко мнѣ; похвалилъ Вашу мысль о подручномъ напоминаніи себя самой мнѣ—страннику, любителю природы и изящныхъ искусствъ, почитателю совершенства; наконецъ подумалъ и о томъ, что всеобщее воскресеніе будетъ не что иное, какъ *живое* повтореніе нашего бытія посредствомъ свѣта и премудраго всемогущества Божія.

Вы—не помѣха мнѣ ни въ чемъ: а добра отъ Васъ я видѣлъ не мало. Не знаю, какъ удалось Вамъ перемѣнить отношенія ко мнѣ нѣкоторыхъ столичныхъ сановниковъ, неблагопріятныя на благопріятныя, а удалось. Съ той поры, какъ въ Вашемъ теремѣ раздались мои жалобы, дѣла мои стали лучше. Пересылка моихъ денегъ пошла исправнѣе. Пособіе на путевыя издержки мои дано. Государь разрѣшилъ мнѣ ввести мою бібліотеку въ Одессу безъ цензурнаго разсмотрѣнія; и она уже здѣсь. Теперь я утѣшенъ, ободренъ, силенъ. Остается установить мое мѣсто пребываніе, устроить союзъ мой съ нашею Церковью, дать просторъ моей дѣятельности, поощрить меня говорить умамъ и сердцамъ, предоставить мнѣ случаи, поводы, побужденія къ усовершенію себя въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи душъ по уставу царства Божія, и помочь мнѣ передать свѣту собранные мною на Востокѣ перлы, кріны, грозды, колосья. Я люблю науку, чту искусства, прошу дѣла, хочу славы. Пусть же поймутъ и оцѣнятъ меня, нѣтъ не меня, а Божіи дары и Божіи силы во мнѣ. Впрочемъ да будетъ воля Божія во всѣхъ, во мнѣ и во всемъ!

24 Августа.

Въ Іерусалимѣ я пробылъ пять мѣсяцевъ, такъ долго, потому что прилежно читалъ тамошнія древнія рукописи, и одну изъ нихъ переписалъ сполна. Перлы не скоро добываются со дна моря. Не кратковременное пребываніе мое въ Святомъ городѣ было весьма пріятно. Тамошій патріархъ далъ мнѣ великолѣпное помѣщеніе въ своемъ домѣ. Намѣстники его, можно сказать, лелѣяли меня. Самъ я тѣшился плодами прежнихъ трудовъ своихъ, нашедши тамъ

въ хорошемъ состояніи и Араво-Еллинскую типографію, и патриаршее училище, и школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, кои всѣ были учреждены не безъ моего содѣйствія. Такое утѣшеніе было лучшею наградою за труды мои. А говорить ли Вамъ о сладостяхъ духовныхъ, благодатныхъ небесныхъ, кои вкусилъ я у подножія Креста на Голгоѣѣ и у гроба Господня? Говорю и объ этомъ, потому что Вы—мой другъ, которому открыто мое сердце. Сладко мнѣ было тамъ, когда я тамъ капелькой упадалъ въ Источникъ жизни, и не сознавая ни пространства, ни времени, чувствовалъ въ себѣ неизсякаемый токъ бытія вѣчнаго. Сладко мнѣ было, когда я тамъ Спасителю молился безъ словъ, и Судіи исповѣдывался одними воздыханіями. Сладко мнѣ было, когда я тамъ печальный, прискорбный, унылый, внезапно получилъ такую преданность волѣ Божіей, такую твердость духа и такую неохоту къ мечтамъ и къ самодѣльному благополучію, что едвали когда раздвоюсь съ Богомъ, который одинъ, какъ сокровище благихъ, можетъ дать мнѣ всѣ блага, и безъ котораго ничего не нажить мнѣ, кромѣ ошибокъ, скорби, страха, ропота и бѣдствій. О, кто что ни говори, а быть на св. мѣстахъ и поклониться тамъ Богу духомъ и истиною, отрадно, полезно, спасительно.

27 Августа.

Продолжаю свое длинное письмо.

Кровавыя событія въ Сиріи извѣстны Вамъ. Они суть послѣдствія дерзкаго вмѣшательства Европейск. консуловъ во внутреннее управленіе Пашалыковъ, ревнивой настойчивости Державъ касательно невозможнаго исполненія Танзимата, неблагоприятной гласности Дипломатіи о замираніяхъ Турціи и о раздѣлѣ областей ея, и крайняго раздраженія магометанъ, сознавшихъ лицемѣріе, предательство и слабость своего правительства. Это раздраженіе усиленное проповѣдью дервишей, факировъ и мулловъ о прежнемъ величій Исламизма и о настоящемъ позорѣ его произвело въ мусульманахъ бѣлую горячку; и они въ бѣшенствѣ повѣрили выдуманному въ Меккѣ пророчеству о томъ, что въ настоящемъ году Исламизмъ возвеличится, если всѣ *правовѣрные*, обитающіе въ Россіи и на Кавказѣ, въ Индіи и Африкѣ, соединятъ свои силы съ силами Турковъ и истребятъ христіанъ. дабы Европа не заступилась за нихъ.—Европа принялась

лѣчить этихъ бѣшеныхъ давленіемъ, и если будетъ нужда кровопусканіемъ посредствомъ французскихъ штыковъ. Но нашейная петля, или, остріе желѣза вылѣчиваетъ ли сумасшествіе, бѣшенство, изувѣрство? Нимало. Фуадъ Паша вѣшаетъ зачинщиковъ грабежа и убійствъ; а въ женахъ и дѣтяхъ ихъ возгарается бѣлая мечь христіанамъ за позоръ Исламизма,—мечь, которая въ Арабійскомъ племени имѣетъ силу догмата. Иностранные баталіоны сдерживаютъ мятежъ въ Сиріи; а число мятежниковъ увеличивается въ прочихъ областяхъ Турціи. Правительство султана, призвавшее эти баталіоны, становится ненавистнымъ; всѣ казнимыя за христіанъ объявляются мучениками; дервиши и факиры указываютъ ихъ тѣни изувѣрамъ и всѣхъ возбуждаютъ къ мщению; магометане вооружены, а христіане безоружны.

Чѣмъ же все это кончится? Пролитіемъ новой крови христіанской? потомъ, вооруженнымъ занятіемъ всѣхъ областей Турціи? Наконецъ дѣлѣжемъ ихъ, или составленіемъ изъ нихъ новыхъ царствъ? Да. Еще разъ драгоцѣнная кровь христіанъ ороситъ вертоградъ церкви; и новые мученики войдутъ въ тѣ обители, въ коихъ блаженствуютъ Стефаны, Георгіи, Димитріи, Александры, Варвары. Послѣ сего *Господь духомъ устъ своихъ убьетъ Антихриста-магомета, и возвеличитъ и прославитъ многострадальную невѣсту свою—церковь православную; и будетъ свѣта преставленіе; передвинутся предѣлы царствъ старыхъ и возникнутъ царства новыя; Румыны, Болгары, Сербы узрятъ своихъ державныхъ вождей; Еллины воспоятъ пѣснь свободы на островахъ великаго моря и обновятъ апокалипсическія церкви; Ливану дастся слава и Кармилу честь. А градъ Константина будетъ градъ Божій, безъ орла, безъ лисицъ (дипломатовъ), безъ оружія. Тамъ въ храмѣ Св. Софіи постоянно-преемственный Соборъ Богоносныхъ святителей и мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей, избранныхъ изъ всѣхъ народовъ, этотъ Соборъ, какъ органъ Духа истины, очиститъ откровеніе Божіе отъ примѣси вымысловъ человѣческихъ, уяснитъ вѣру, оживитъ божественное чувство въ душахъ, возвѣститъ *немногоустановнаго* Иисуса Сына Божія народамъ, невѣдущимъ имени Его, и выполнитъ обѣтованіе Его: *и будетъ едино стадо и единыя пастырь.**

31 Августа.

Оканчиваю письмо выраженіемъ молитвеннаго желанія Вамъ лучшихъ благъ.

Богъ, Отецъ щедротъ и всякія утѣхи, да продлитъ Вашу жизнь, да исполнитъ желанія сердца Вашего и да просвѣтитъ и освѣтитъ Васъ своею благодатію.

Сидящій у моря и ждущій погоды.

Другъ Вашъ А. Порфирій.

1861 г. 28 Іюнь. Аѳонь.

Друже!

Давно я не писалъ къ Вамъ, потому что сначала сердился на Васъ за долговременное молчаніе Ваше, а потомъ сталъ думать, что Вы или у Бога блаженствуете со святыми, или у матери въ деревнѣ занимаетесь по правиламъ ученыхъ экономистовъ. Къ этому гнѣву и думанью присоединились напряженныя занятія мои въ скучныхъ библіотекахъ на Востокѣ, и сдѣлали меня угрюмымъ и молчаливымъ. Я сталъ похожъ на родникъ воды, заглушенный осокурою и подернутый падающими въ него съ старыхъ дубовъ листьями. Но Вы вспомнили этотъ родникъ, подошли къ нему, и сняли съ него листовую кору; и вотъ онъ опять прозраченъ. Изъ глубины его бьютъ чистыя струи: это мои молитвы о Васъ, мои радости о Васъ, и мои желанія Вамъ всего, что есть лучшаго на землѣ и совершеннѣйшаго въ небѣ.

Полагаю, что я долго не увижусь съ Вами. Меня хотятъ остановить въ Одессѣ до окончанія моихъ ученыхъ занятій. Пусть будетъ такъ! Мнѣ вѣдь хорошо, и вездѣ Вы присуши моей душѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю предписанія о водвореніи моемъ въ Одессѣ.

Надоѣло мнѣ странствовать по свѣту и жить между кочегарами ада. Надоѣло докучать начальству объ указаніи мнѣ пристанища, и невыразимо тяжело напоминать ему, что и надъ нимъ есть судъ верховный—судъ первосвятителей Восточной Церкви.

Теперь я самъ не свой. Какъ бы не поступили со мною, я готовъ на все, готовъ ходить въ цѣпяхъ, погаснуть въ затворѣ, свѣтитъ міру, наслаждаться свободою духа. Правда, въ этой готовности, или, рѣшимости моей есть нѣчто раскаленное и жесткое; но эта примѣсь со временемъ осты-

нетъ и размягчится подъ вліяніемъ благодати и разумной воли, какъ лава огнедышущей горы стынетъ и мякнетъ подъ вліяніемъ теплосвѣта и дождя, такъ что въ послѣдствіи производитъ изъ себя мураву, цвѣты, маслины, грозды, кипарисы.

Здѣсь съ 18 вечера Іюньскихъ дней свѣтитъ огромнѣйшая комета, похожая на ту, которая стращала робкій людъ въ 1858 году. Что она предвѣщаетъ намъ? Смерть Папы и Папства? Паденіе Турціи и Исламизма? Мучительное перерожденіе Россіи? Все это вмѣстѣ? Посмотримъ, увидимъ, испытаемъ, узнаемъ. А будетъ что-то новое! Придется намъ, унылымъ тянуть заунывную пѣснь!

Ἔσται τι νεον

Ἦξει τι μέλος χοερόν χοεραῖς

(Еврипидъ).

Прощайте! До свиданія, или въ прелестныхъ рощахъ Ораніенбаума, или въ чудныхъ домикахъ памяти, (т. е. въ письменахъ).

А. Порфирій.

Кіевъ. 21 Января 1866 г.

Мой другъ!

На дняхъ я отправилъ къ Вамъ по почтѣ свой фотографическій портретъ въ металлической рамкѣ, четыре бесѣды Фотія, кои, бывало, читалъ въ Вашемъ теремѣ, и Посланія Іерусалимскихъ патріарховъ въ Грузію. Портретъ снятъ съ меня въ Сергіевой Лаврѣ, кажется, удачно. Пусть онъ напоминаетъ Вамъ меня, неизмѣнно преданнаго Вамъ. А бесѣды Фотія и ученое разсужденіе о нихъ прочтите съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ Вы слушали ихъ. Посланія же передайте Іосселлиану. Хорошо, какъ бы онъ напечаталъ ихъ съ примѣчаніями и прислалъ бы мнѣ два-три оттиска. А я, когда Богъ велитъ, сообщу ему и другія, историческія свѣдѣнія о Грузіи, и слова Торникія на Еллинскомъ языкѣ (XII вѣка), которыя едвали кому извѣстны въ Грузіи.

Вспомните, какъ Тишендорфъ упрашивалъ меня подарить драгоцѣнный Полимсестъ мой Великому Князю Константину Николаевичу. Эту рукопись мою, содержащую апостольскія посланія, онъ уже напечаталъ въ Лейпцигѣ, но съ моимъ именемъ, и напечаталъ великолѣпно. Двадцать королей и принцевъ Европы значатся въ числѣ подписчиковъ. получившихъ это замѣчательное изданіе, въ предисловіи

къ которому на первомъ листкѣ помѣщена хвала мнѣ. А сколько экземпляровъ его прислалъ онъ Епископу Порфирію? Одинъ. Каково? Ну, какъ не сказать, что нѣмцы—мастера загребать жаръ чужими руками? Я надѣялся получить по крайней мѣрѣ 10 экземпляровъ своей книги, дабы раздать ихъ духовнымъ Академіямъ нашимъ, Одесскому обществу исторіи и древностей, котораго я членъ, и нѣкоторымъ друзьямъ моимъ, но обманулся. Приходится покупать свою собственную книгу у Саксонца, который называетъ меня своимъ другомъ. Ужъ не расчиталъ ли онъ, что печатныя похвалы его мнѣ стоятъ нѣсколько талеровъ? Не воображаю этого, но всетаки думаю, что надлежало ему потѣшить меня 10-ю экземплярами. Онъ теперь печатаетъ второй томъ моей книги, и, вѣроятно, пришлетъ одинъ экземпляръ ея. Впрочемъ я считаться съ нимъ не буду... Большія обиды переносилъ я благодушно: маленькія ли встревожатъ меня? Получу второй томъ, улыбнусь, и только.

Давно я не имѣю извѣстій о Васѣ. Въ прошлое лѣто была здѣсь Графиня Блудова, и за обѣдомъ у Безака говорила мнѣ кое что о Вашихъ страхахъ въ какихъ-то горахъ у какихъ-то черкесовъ. А потомъ?—какъ будто Вы безъ вѣсти пропали. Что стало съ Вами? Откликнитесь. Не можетъ быть, чтобы Вы забыли меня.

Читалъ я Отчеты о распространеніи христіанства на Кавказѣ, а послѣ радости о Господѣ подумалъ, что тамъ заботятся болѣе о количественномъ, нежели о качественномъ православіи. Впрочемъ дьячковъ, посвящаемыхъ тамъ въ пресвитеры, можно сравнить съ бутовымъ камнемъ, который кладутъ въ основаніе зданія.

Извѣщаю Васъ, что я здоровъ, и занимаюсь Епархіальными дѣлами до глубокой ночи, не покидалъ и учености.

Призываю на Васъ благословеніе Божіе и въ отношеніи къ Вамъ остаюсь тѣмъ, чѣмъ былъ всегда.

Порфирій Епископъ Чигиринскій Викарій Кіевскоі Епархіи.
